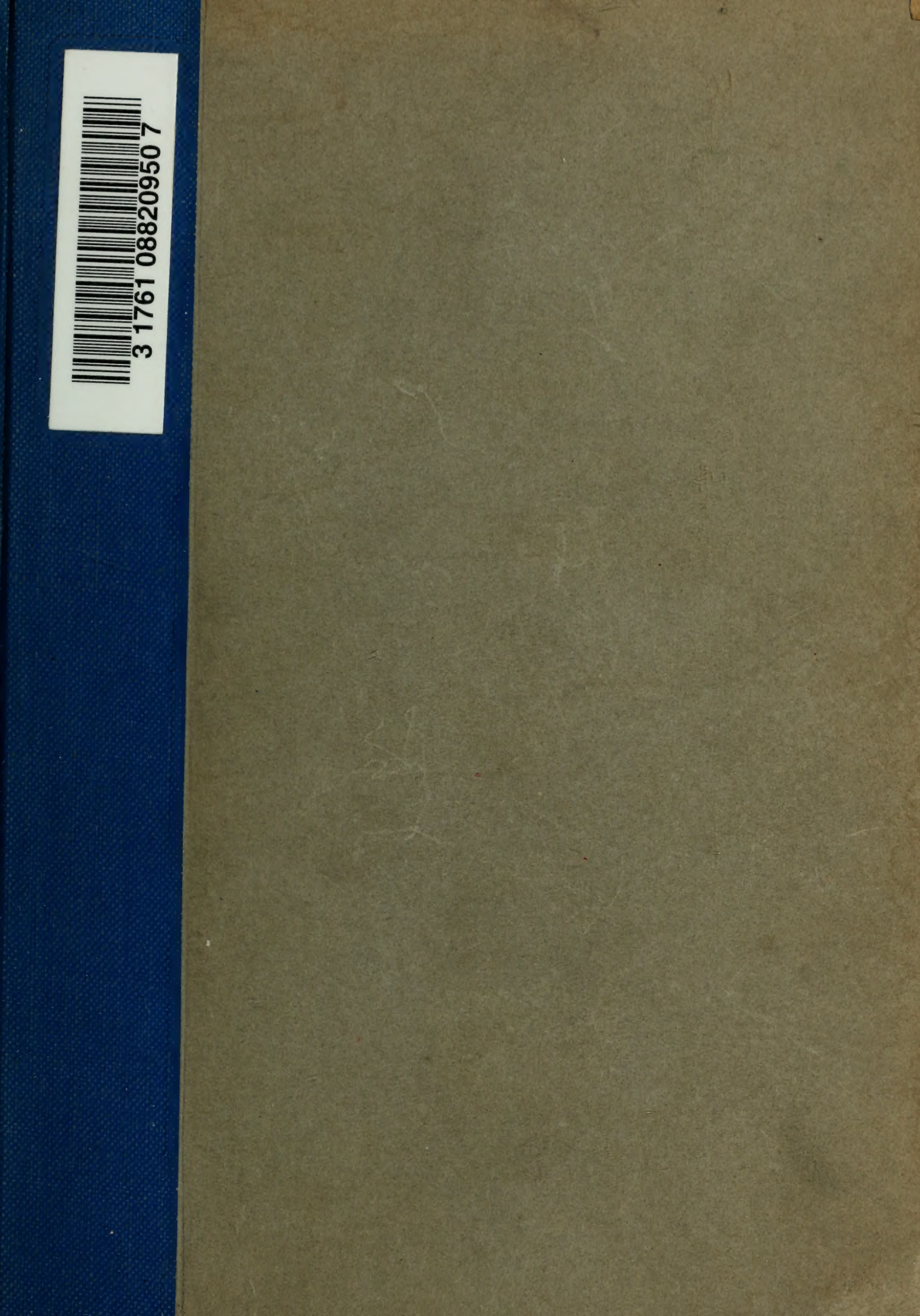
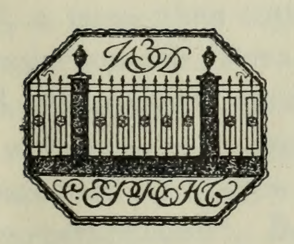
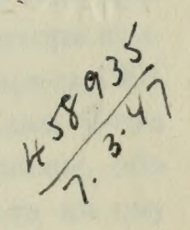

3 1761 08820950 7

А. А. ФЕТЪ

ИЗБРАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Л. М. СУХОТИНА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО С. ЕФРОНЪ
БЕРЛИНЪ

Типографія Максъ Маттиссонъ
Берлинъ, Риттерштрассе 71

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Приступая къ подготовкѣ Сборника избранныхъ стихотвореній Фета, я руководился двумя соображеніями: 1) желаніемъ предоставить всѣмъ любителямъ русской поэзіи возможность имѣть хотя бы небольшой сборникъ стихотвореній Фета, разъ переизданіе полнаго собранія являлось въ настоящее время неосуществимымъ, и 2) давно сложившимся у меня мнѣніемъ, что изданіе избранныхъ стихотвореній Фета послужило бы только къ его вящей славѣ. Еще въ 1852 году Ап. Григорьевъ замѣтилъ, что у Фета „подлѣ стихотвореній истинно прекрасныхъ встрѣчаете такія, которыя просто плохи или даже непонятны“, а полъ вѣка спустя редакторъ полнаго собранія стихотвореній Фета (изд. Маркса 1901 и 1912 гг.) Б. В. Никольскій писалъ: „Самъ Фетъ порою печаталъ и повторялъ въ изданіяхъ піесы, объ отсутствіи которыхъ не пришлось бы жалѣть ни ему самому, ни его почитателямъ“. Всѣ прежнія изданія пестрѣли такими неудачными піесами, и это расхолаживало читателя.

Трудность составленія Сборника — въ томъ, что, помимо стихотвореній „истинно прекрасныхъ“ съ одной стороны и „плохихъ или даже непонятныхъ“ съ другой, имѣется очень много не вполнѣ совершенныхъ, но заключающихъ отдѣльныя красивыя мѣста, да и вообще такихъ, сравнительное достоинство которыхъ является спорнымъ. Въ случаяхъ сомнѣнія я совѣтовался съ лицами, мнѣніе коихъ мнѣ представлялось цѣннымъ.

Сборникъ былъ намѣченъ въ объемѣ полутораста стихотвореній изъ общаго числа свыше 900 и въ концѣ концовъ доведенъ до 156 номеровъ. Здѣсь должно было быть представлено все содержаніе лирики Фета въ ея лучшихъ образцахъ. Поэтому я имѣлъ въ виду не только выбрать самыя красивыя стихотворенія, но и представить всѣ главнѣйшіе мотивы творчества Фета во всѣхъ его видахъ. Мотивы эти — природа и переживанія сердца человѣческаго или жизнь сердца, въ частности, — любовь; къ этимъ основнымъ мотивамъ Фетовской лирики къ концу литературной дѣятельности Фета прибавился еще одинъ: въ „Вечернихъ огняхъ“, на ряду съ піесами типичными для прежняго Фета, появился рядъ піесъ съ содержаніемъ философскимъ или идейныхъ. Кромѣ того Фетъ извѣстенъ какъ переводчикъ (особенно римскихъ поэтовъ), и имъ написано много стихотвореній, навѣянныхъ античнымъ міромъ и классичекими (и ложно-классическими) образцами; эти оба вида его творчества тоже должны были быть представлены въ Сборникѣ.

Предстояло рѣшить, какъ сгруппировать весь этотъ матеріалъ, такъ сгруппировать, чтобы самымъ расположеніемъ матеріала облегчить читателю его усвоеніе. Придерживаться исключительно хронологическаго порядка (не говоря уже о томъ, что датировка многихъ стихотвореній Фета не установлена) для изданія подобнаго настоящему (имѣющему характеръ не научный, а общедоступный) не имѣло смысла. Сохранить группировку, принятую для полнаго собранія его редакторомъ Б. В. Никольскимъ, я не счелъ возможнымъ, считая ее не вполнѣ удачной, а для небольшого сборника избранныхъ стихотвореній и вовсе неподходящей.

Группировка намѣчалась основными мотивами Фетовской лирики: „Природа“, „Жизнь сердца“, „Любовь“ и піесы философскаго содержанія или идейныя; эти послѣднія я раздѣлилъ по ихъ содержанію на двѣ группы: „Прозрѣнія“ и „Творчество“. Наконецъ, согласно сказанному выше, образовалось еще два отдѣла: „Переводы“ и „Изъ античнаго міра“. Кромѣ этихъ семи отдѣловъ, я рѣшилъ сохранить традиціонный отдѣлъ „Мелодій“; онъ былъ впервые установленъ Ап. Григорьевымъ и съ тѣхъ поръ прочно утвердился во всѣхъ изданіяхъ Фета; по опредѣленію Никольскаго, „Мелодіи“ Фета — это піесы, въ которыхъ „поэтъ уловилъ наиболѣе чутко и тонко всю таинственную музыку бытія“ (по содержанію здѣсь — и природа, и жизнь сердца, и любовь!).

Распредѣленіе по отдѣламъ затруднялось тѣмъ, что указанные мотивы Фетовской лирики непре-

станно переплетались между собою: въ стихотвореніе, посвященное природѣ, врывалось изображеніе движенія души, или такое стихотвореніе осложнялось философской мыслью. Въ концѣ концовъ въ отдѣлѣ „Природа“ были оставлены лишь тѣ стихотворенія, въ коихъ природа изображена въ чистотѣ, или тѣ, гдѣ картина природы представляется доминирующимъ мотивомъ, а движеніе души или философская мысль — выраженными по поводу этой картины; тѣ же стихотворенія, гдѣ изображеніе сердечныхъ переживаній или идея являются доминирующими, были помѣщаемы въ соотвѣтствующіе отдѣлы — „Жизнь сердца“, „Любовь“, „Прозрѣнія“.

Въ результатѣ всей этой работы распредѣленіе стихотвореній по отдѣламъ значительно разошлось съ тѣмъ распредѣленіемъ, какое было сдѣлано Никольскимъ. Напримѣръ, хотя отдѣлъ „Природа“ имѣется и у Никольскаго, но соотвѣтствія не получается. Достаточно привести въ объясненіе этого несоотвѣтствія такой примѣръ: изъ 16-и піесъ раздѣла III-го отдѣла „Природа“ (по изд. Маркса 1901 г.) въ настоящій сборникъ вошло 11, но изъ этихъ 11-и лишь одна помѣщена въ отдѣлѣ „Природа“, а прочія распредѣлены: 4 въ „Жизнь сердца“, 3 въ „Любовь“, 2 въ „Мелодіи“ и 1 въ „Прозрѣнія“. Дѣло въ томъ, что въ этой группѣ Никольскимъ подобраны были, говоря его словами, „тѣ піесы, гдѣ природа и сердце человѣческое не сливаются въ унисонную мелодію, но проводятъ ее сквозь цѣлый рядъ двухголосныхъ созвучій“, т. е. иными словами, гдѣ природа не яв-

ляется единственнымъ и, можетъ быть, доминирующимъ мотивомъ.

Расхожденіе съ распредѣленіемъ Никольскаго еще значительнѣе въ случаяхъ несоотвѣтствія отдѣловъ. У Никольскаго не было отдѣловъ: „Жизнь сердца“, „Любовь“, а также „Прозрѣнія“ и „Творчество“. Отдѣлы „Жизнь сердца“ и „Любовь“ составились изъ піесъ взятыхъ чуть ли не изо всѣхъ отдѣловъ Никольскаго. Такъ, напримѣръ, въ отдѣлъ „Любовь“ (въ составѣ 33-хъ номеровъ) вошло: 11 стихотвореній изъ отдѣла „Вечерніе огни“, 8 — „Элегіи“, 5 — „Мелодіи“, 4 — „Природа“, 3 — „Сердце“, 1 — „Античный міръ и антологическія стихотворенія“ и 1 — „Лирическій Пантеонъ“. Съ другой стороны, стихотворенія отсутствующихъ въ настоящемъ изданіи отдѣловъ размѣщались по разнымъ отдѣламъ. Такъ, напримѣръ, взятыя изъ отдѣла „Элегіи“ (въ составъ котораго Никольскій вносилъ стихотворенія со „слѣдами вліянія классическихъ образцовъ“ или съ „антологическимъ налетомъ“) 11 стихотвореній вошли: 8 въ „Любовь“, 2 въ „Жизнь сердца“ и 1 въ „Природа“.

Распредѣливъ сперва стихотворенія по отдѣламъ, я устанавливалъ порядокъ въ слѣдованіи одного стихотворенія за другимъ. И здѣсь не слѣдуя порядку хронологическому, я старался установить ту или иную внутреннюю связь между стихотвореніями и размѣщать ихъ по этой связи. Для этого я разбивалъ предварительно каждый отдѣлъ на подъотдѣлы,

и это дальнѣйшее дробленіе облегчало задачу размѣщенія стихотвореній по ихъ содержанію.

Планъ распредѣленія матеріала станетъ еще яснѣе, если сдѣлать краткій обзоръ Сборника по отдѣламъ. Отдѣлъ „Прозрѣнія" помѣщенъ первымъ, изъ тѣхъ же соображеній, изъ какихъ Никольскій открывалъ изданіе полнаго собранія отдѣломъ „Вечерніе огни": „Приходится прежде всего раскрывать все безпредѣльное глубокомысліе, всю мощь и богатство идейнаго содержанія поэзіи Фета, чтобы съ первыхъ же страницъ каждому читателю становилась очевидною нелѣпость вымирающаго, но все еще не вымершаго мнѣнія объ отсутствіи въ ней мысли, о бѣдности ея содержанія".

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ „Творчество" собраны стихотворенія о творчествѣ, вдохновеніи и подвигѣ поэта вообще и о музѣ Фета въ частности. Послѣдовательность стихотвореній въ этомъ отдѣлѣ установить было особенно трудно. Вынеся впередъ два программныхъ стихотворенія, имѣющихъ наиболѣе отвлеченный и объективный характеръ, и отнеся къ концу отдѣла девять стихотвореній съ наиболѣе личными мотивами, я въ центрѣ размѣстилъ остальныя семь стихотвореній въ порядкѣ хронологическомъ, воспользовавшись тѣмъ, что всѣ они случайно оказались датированными.

Содержаніе отдѣла „Мелодіи" наиболѣе соотвѣтствуетъ содержанію того же отдѣла прежнихъ изданій. И даже послѣдовательность стихотвореній въ

большинствѣ случаевъ совпадаетъ. Поэтому я не буду останавливаться на этомъ отдѣлѣ.

Въ отдѣлѣ „Природа“ послѣдовательность такова: сперва времена года (3 стихотворенія о веснѣ, 1 о лѣтѣ и 3 объ осени), затѣмъ времена дня (4 вечера, 5 ночей, 1 разсвѣтъ); въ слѣдующемъ стихотвореніи — Отвѣтъ Тургеневу — тоже описана ночь, но это — не столько описаніе ночи, сколько характеристика русской природы вообще (и это стихотвореніе поэтому могло бы быть помѣщено и въ самомъ началѣ отдѣла). Въ слѣдующихъ двухъ стихотвореніяхъ — лѣсъ и костеръ въ лѣсу, затѣмъ — горное ущелье, и въ послѣднихъ двухъ — горная высь.

Полагаю, что всякому, кто прочтетъ стихотворенія отдѣла „Любовь“, станетъ ясной необходимость этого отдѣла, въ прежнихъ изданіяхъ отсутствовавшаго. Что касается размѣщенія стихотвореній въ предѣлахъ этого отдѣла, то я руководствовался слѣдующими соображеніями. Ап. Григорьевъ давно отмѣтилъ двѣ струи Фетовской лирики, считая Фета отчасти поэтомъ „антологическимъ“, впитавшимъ элементы античнаго міросозерцанія и усвоившимъ античныя формы поэтическаго выраженія, а отчасти поэтомъ въ высшей степени субъективнымъ, поэтомъ болѣзненной стороны сердца человѣческаго, проникшимся „болѣзненной поэзіей“ нѣмецкихъ романтиковъ (т. е. главнымъ образомъ Гейне). Группируя стихотворенія отдѣла „Любовь“, я исходилъ изъ этого взгляда на Фета. Первыя семь піесъ написаны Фетомъ, поэтомъ „антологическимъ“. Слѣдующія три (изъ нихъ „Въ

моемъ саду, въ тѣни густыхъ аллей"... — юношеское стихотвореніе Фета) являются переходными къ группѣ піесъ, въ которыхъ сквозитъ вліяніе Гейне. Эти послѣднія открываютъ собой цѣлую серію стихотвореній о любви болѣе сложной, являющейся источникомъ не радости, а страданія; здѣсь и воспоминанія о невозвратно прошедшемъ, и о любимой женщинѣ, безвременно умершей; стихотвореніе, обращенное къ А. Л. Бржесской, и три стихотворенія, говорящія о радости страданія, связаннаго съ любовью, завершаютъ этотъ отдѣлъ.

Отдѣлъ „Жизнь сердца" по содержанію входящихъ въ его составъ стихотвореній распадается на двѣ группы приблизительно равной численности. Основной мотивъ первой — картина природы, вызывающая откликъ въ сердцѣ человѣческомъ, и изображеніе этого сердечнаго переживанія. Основной мотивъ второй — изображеніе сердечныхъ ощущеній, вызываемыхъ воспоминаніями о прошломъ. На грани этихъ двухъ группъ помѣщено нѣсколько стихотвореній, долженствующихъ служить переходомъ.

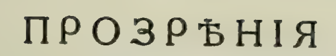
Отдѣлъ „Изъ античнаго міра" соотвѣтствуетъ отдѣлу „Античный міръ и антологическія стихотворенія" полнаго собранія. Фетъ былъ филологомъ по образованію и поклонникомъ римскихъ поэтовъ (особенно Горація) и подъ вліяніемъ ихъ, а отчасти подъ вліяніемъ ложно-классической литературы (главнымъ образомъ нѣмецкой) написалъ въ первой половинѣ своей литературной дѣятельности цѣлый рядъ стихотвореній, образцы которыхъ и приведены въ настоя-

щемъ изданіи. Изъ піесъ этого отдѣла первыя четыре посвящены произведеніямъ классическаго (и ложно-классическаго) художества, а слѣдующія пять — піесы антологическія, писанныя по формѣ или содержанію въ условныхъ формахъ французскаго и нѣмецкаго классицизма.

Послѣдній отдѣлъ — „Переводы". Для этого отдѣла я остановился на переводахъ изъ Гейне и изъ Гафиза. На Гейне я остановился потому, что этотъ поэтъ имѣлъ на Фета наибольшее вліяніе, и помѣщенныя четыре стихотворенія являются типичными для того настроенія („болѣзненной" поэзіи), которое наложило отпечатокъ и на лирику Фета. Шемзеддинъ-Гафизъ — персидскій философъ, учитель и поэтъ XIV вѣка. Онъ долгое время принадлежалъ къ сектѣ „созерцательныхъ мудрецовъ и мистиковъ", „сочинялъ въ аскетическомъ вдохновеніи возвышенные гимны, въ которыхъ попиралъ въ прахъ все плотское", но затѣмъ подъ старость лѣтъ вдругъ преобразился, и выраженіемъ его новыхъ настроеній явились тѣ яркія, свѣжія, полныя жизни стихотворенія, образцы которыхъ въ переводѣ Фета приведены въ настоящемъ сборникѣ. Гафизъ очень плѣнилъ Фета (Фетъ познакомился съ нимъ въ нѣмецкомъ переводѣ). Я помѣстилъ цѣлыхъ девять піесъ изъ Гафиза, находя ихъ весьма оригинальными и необыкновенно свѣжими. Стихотворенія эти проникнуты опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ, — способностью наслаждаться жизнью, всей красотой жизни, умѣніемъ находить эту красоту, доставлять и себѣ и другимъ свѣтлую радость и сча-

стье. И это міровоззрѣніе, столь отличное отъ Гейневскаго, тоже отразилось въ лирикѣ Фета.

Текстъ стихотвореній, вошедшихъ въ настоящій сборникъ, орѳографія и пунктуація воспроизведены согласно послѣднимъ изданіямъ Маркса (1901 и 1912 гг.). Отступленіе отъ этого текста допущено только въ отношеніи стихотворенія „Фантазія“, которое печатается въ его первоначальномъ видѣ, до его исправленія Тургеневымъ (см. статью Ю. А. Никольскаго „Матеріалы по Фету“ въ Русской Мысли за 1921 г.).

ПРОЗРѢНІЯ

Измученъ жизнью, коварствомъ надежды,
Когда имъ въ битвѣ душой уступаю,
И днемъ и ночью смежаю я вѣжды
И какъ-то странно порой прозрѣваю.

Еще темнѣе мракъ жизни вседневной,
Какъ послѣ яркой осенней зарницы,
И только въ небѣ, какъ зовъ задушевный,
Сверкаютъ звѣздъ золотыя рѣсницы.

И такъ прозрачна огней безконечность,
И такъ доступна вся бездна эѳира,
Что прямо смотрю я изъ времени въ вѣчность
И пламя твое узнаю, солнце міра!

И неподвижно на огненныхъ розахъ
Живой алтарь мірозданья курится;
Въ его дыму, какъ въ творческихъ грезахъ,
Вся сила дрожитъ, и вся вѣчность снится.

И все, что мчится по безднамъ эѳира,
И каждый лучъ, плотскій и безплотный, —
Твой только отблескъ, о, солнце міра,
И только сонъ — только сонъ мимолетный!

И этихъ грезъ въ міровомъ дуновеньи
Какъ дымъ несусь я, и таю невольно,
И въ этомъ прозрѣньи и въ этомъ забвеньи
Легко мнѣ жить и дышать мнѣ не больно.

Я потрясенъ, когда кругомъ
Гудятъ лѣса, грохочетъ громъ,
И въ блескъ огней гляжу я снизу,
Когда, испугомъ обуянъ,
На скалы мечетъ океанъ
Твою серебряную ризу;

Но, просвѣтленный и нѣмой,
Овѣянъ властью неземной,
Стою не въ этотъ мигъ тяжелый,
А въ часъ, когда, какъ бы во снѣ,
Твой свѣтлый ангелъ шепчетъ мнѣ
Неизреченные глаголы.

Я загораюсь и горю,
Я порываюсь и парю
Въ томленьяхъ крайняго усилья
И вѣрю сердцемъ, что растутъ
И тотчасъ въ небо унесутъ
Меня раскинутыя крылья.

29 авг. 1885

Не тѣмъ, Господь, могучъ, непостижимъ
Ты предъ моимъ мятущимся сознаньемъ,
Что въ звѣздный день Твой свѣтлый серафимъ
Громадный шаръ зажегъ надъ міразданьемъ

И мертвецу съ пылающимъ лицомъ
Онъ повелѣлъ блюсти Твои законы, —
Все пробуждать живительнымъ лучомъ,
Храня свой пылъ столѣтій милліоны: —

Нѣтъ, Ты могучъ и мнѣ непостижимъ
Тѣмъ, что я самъ, безсильный и мгновенный,
Ношу въ груди, какъ оный серафимъ,
Огонь сильнѣй и ярче всей вселенной.

Межъ тѣмъ какъ я — добыча суеты, —
Игралище ея непостоянства, —
Во мнѣ — онъ вѣченъ, вездѣсущъ, какъ Ты,
Ни времени не знаетъ, ни пространства.

Весна и ночь покрыли долъ,
Душа бѣжитъ во мракъ безсонный,
И внятно слышенъ ей глаголъ
Стихійной жизни, отрѣшенной.

И неземное бытіе
Свой разговоръ ведетъ съ душою
И вѣетъ прямо на нее
Своею вѣчною струею.

Но вотъ заря, — блѣднѣетъ тѣнь,
Туманъ волнуется и таетъ, —
И встрѣтить очевидный день
Душа съ восторгомъ вылетаетъ.

НЕЛЬЗЯ.

Проснулся день. Свѣтло, широко
На землю лучъ его летитъ
И все, что только видитъ око,
Земного путника манитъ, —

Но голубого неба своды
Покрыли блѣдностью лучи
И звѣздъ живые хороводы
Къ намъ только выступятъ въ ночи.

Въ движеньи, въ блескѣ жизни дольной
Не сходитъ свыше благодать:
Нельзя въ смятенности невольной
Красы небесной созерцать,

Нельзя съ безбрежностью творенья
Въ чаду отыскивать родства,
И ночь и мракъ уединенья —
Единый путь до божества.

Какъ нѣжишь ты, серебряная ночь,
Въ душѣ расцвѣтъ нѣмой и тайной силы!..
О, окрыли — и дай мнѣ превозмочь
Весь этотъ тлѣнъ, бездушный и унылый!

Какая ночь! Алмазная роса
Живымъ огнемъ съ огнями неба въ спорѣ,
Какъ океанъ, разверзлись небеса,
И спитъ земля — и теплится, какъ море...

Мой духъ, о ночь, какъ падшій серафимъ
Призналъ родство съ нетлѣнной жизнью звѣздной
И, окрыленъ дыханіемъ твоимъ,
Готовъ летѣть надъ этой тайной бездной.

СРЕДИ ЗВѢЗДЪ.

Пусть мчитесь вы, какъ я, покорны мигу,
Рабы, какъ я — мнѣ прирожденныхъ, числъ, —
Но, лишь взгляну на огненную книгу,
Не численный я въ ней читаю смыслъ.

Въ вѣнцахъ, лучахъ, алмазахъ, какъ калифы,
Излишнія средь жалкихъ нуждъ земныхъ, —
Незыблемой мечты іероглифы,
Вы говорите: „Вѣчность — мы, ты — мигъ.

Намъ нѣтъ числа. Напрасно мыслью жадной
Ты думы вѣчной догоняешь тѣнь:
Мы здѣсь горимъ, чтобъ въ сумракъ непроглядный
Къ тебѣ просился беззакатный день.

Вотъ почему, когда дышать такъ трудно,
Тебѣ отрадно такъ поднять чело
Съ лица земли, гдѣ все темно и скудно,
Къ намъ, въ нашу глубь, гдѣ пышно и свѣтло“.

Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши все кругомъ,
Слѣдить за ласточкой стрѣльчатой
Надъ вечерѣющимъ прудомъ.

Вотъ понеслась и зачертила, —
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихіей чуждой не схватила
Молніевиднаго крыла, —

И снова то же дерзновенье
И та же темная струя . . .
Не таково ли вдохновенье
И человѣческаго я?

Не такъ ли я, сосудъ скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихіи чуждой, запредѣльной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

Я видѣлъ твой млечный, младенческій волосъ,
Я слышалъ твой сладко вздыхающій голосъ
И первой зари я почувствовалъ пылъ:
Налету весеннихъ порывовъ подвластный,
Дохнулъ я струею и чистой и страстной
У плѣннаго ангела съ вѣющихъ крылъ.

Я понялъ тѣ слезы, я понялъ тѣ муки,
Гдѣ слово нѣмѣетъ, гдѣ царствуютъ звуки,
Гдѣ слышишь не пѣсню, а душу пѣвца,
Гдѣ духъ покидаетъ ненужное тѣло,
Гдѣ внемлешь, что радость не знаетъ предѣла,
Гдѣ вѣришь, что счастью не будетъ конца.

ТВОРЧЕСТВО

Какъ бѣденъ нашъ языкъ: хочу — и не могу! . .
Не передать того ни другу ни врагу,
Что буйствуетъ въ груди прозрачною волною:
Напрасно вѣчное томленіе сердецъ! —
И клонитъ голову маститую мудрецъ
Предъ этой ложью роковою.

Лишь у тебя, поэтъ, крылатый слова звукъ
Хватаетъ на лету и закрѣпляетъ вдругъ
И темный бредъ души и травъ неясный запахъ:
Такъ, для безбрежнаго покинувъ скудный долъ,
Летитъ за облака Юпитера орелъ,
Снопъ молніи неся мгновенный въ вѣрныхъ лапахъ.

11 іюня 1887

Однимъ толчкомъ согнать ладью живую
Съ наглаженныхъ отливами песковъ,
Одной волной подняться въ жизнь иную,
Учуять вѣтръ съ цвѣтущихъ береговъ,

Тоскливый сонъ прервать единымъ звукомъ,
Упиться вдругъ невѣдомымъ, роднымъ,
Дать жизни вздохъ, дать сладость тайнымъ мукамъ,
Чужое вмигъ почувствовать своимъ,

Шепнуть о томъ, предъ чѣмъ языкъ нѣмѣетъ,
Усилить бой безтрепетныхъ сердецъ, —
Вотъ чѣмъ пѣвецъ лишь избранный владѣетъ!
Вотъ въ чемъ его и признакъ и вѣнецъ!

28 окт. 1887

СВѢТОЧЪ.

Ловецъ, всѣ дни отдавшій лѣсу,
Я направлялъ по немъ стопы.
Мой глазъ привыкъ къ его навѣсу
И ночью различалъ тропы.

Когда же вдругъ изъ тучи мглистой
Сосну ужалилъ яркій змѣй,
Я самъ затеплилъ сукъ смолистый
У золотыхъ ея огней.

Горѣлъ мой факелъ величаво,
Тянулись тѣни предо мной, —
Но, обѣжавъ меня лукаво,
Онѣ смыкались за спиной . . .

Пестрѣетъ мгла, блуждаютъ очи,
Кровавый призракъ въ нихъ глядитъ, —
И тѣмъ ужаснѣй сумракъ ночи,
Чѣмъ ярче свѣточъ мой горитъ.

16 авг. 1885

Все, все мое, что есть и прежде было:
Въ мечтахъ и снахъ нѣтъ времени оковъ;
Блаженныхъ грезъ душа не подѣлила;
Нѣтъ старческихъ и юношескихъ сновъ.

За рубежомъ вседневнаго удѣла
Хотя на мигъ отрадно и свѣтло;
Пока душа кипитъ въ горнилѣ тѣла,
Она летитъ, куда несетъ крыло.

Не говори о счастьѣ, о свободѣ
Тамъ, гдѣ царитъ желѣзная судьба:
Сюда! Сюда! Не рабство здѣсь природѣ, —
Она сама здѣсь вѣрная раба!

17 іюля 1887

Съ солнцемъ склоняясь за темную землю,
Взоромъ весь пройденный путь я объемлю:
Вижу, безслѣдно пустынная мгла
День погасила и ночь привела.

Страннымъ лишь что-то мерцаетъ узоромъ:
Горе минувшее тайнымъ укоромъ,
Въ сбивчивомъ ходѣ несбыточныхъ грезъ,
Тамъ милліоны разсыпало слезъ.

Стыдно и больно, что такъ непонятно
Свѣтятся эти туманныя пятна,
Словно неясно дошедшая вѣсть . . .
Все бы, ахъ, все бы съ собою унесть! . .

22 авг. 1887

— „Полуразрушенный, полужилецъ могилы,
О таинствахъ любви зачѣмъ ты намъ поешь?
Зачѣмъ, куда тебя домчать не могутъ силы,
Какъ дерзкій юноша, одинъ ты насъ зовешь?"

— „Томлюся и пою; ты слушаешь — и млѣешь:
Въ напѣвахъ старческихъ твой юный духъ живетъ.
Такъ въ хорѣ молодомъ: „Ахъ, слышишь, разумѣешь..."
Цыганка старая одна еще поетъ."

4 янв. 1888

РАКЕТА.

Горѣлъ напрасно я душой,
Не озаряя ночи черной:
Я лишь вознесся предъ тобой
Стезею шумной и проворной.

Лечу на смерть во слѣдъ мечтѣ . . .
Знать, мой удѣлъ — лелѣять грезы
И тамъ, со вздохомъ, въ высотѣ
Разсыпать огненныя слезы.

24 янв. 1888

Роями поднялись крылатыя мечты
Въ веснѣ кругомъ себя искать душистой пищи —
Но на закатѣ дня къ себѣ, царица, ты
Ихъ соберешь ко сну въ таинственномъ жилищѣ;

А завтра на зарѣ вновь крылья зажужжатъ,
Чтобы къ незримому, къ безвѣстному стремиться:
Гдѣ за ночь расцвѣло, гдѣ первый ароматъ, —
Туда перенестись и въ пышной нѣгѣ скрыться.

17 февр. 1888

ОБРОЧНИКЪ.

Хоругвь священную подъявъ своей десной,
Иду, и тронулась за мной толпа живая,
И потянулись всѣ по просѣкѣ лѣсной,
И я блаженъ и гордъ, святыню воспѣвая.
Пою — и помысламъ невѣдомъ дѣтскій страхъ:
Пускай на пѣнье мнѣ отвѣтятъ воемъ звѣри, —
Съ святыней надъ челомъ и пѣснью на устахъ,
Съ трудомъ, но я дойду до вожделѣнной двери!

17 сент. 1889

ПОЛОНСКОМУ.

Спасибо! Лирой вдохновенной
Ты мнѣ опять напомнилъ дни,
Когда, незная мысли плѣнной,
Ты вынесъ, отрокъ дерзновенный,
Свои алмазные огни.

А я по прежнему, смиренный,
Забытый, кинутый въ тѣни,
Стою, колѣнопреклоненный.
И, красотою умиленный,
Зажегъ вечерніе огни.

Только встрѣчу улыбку твою,
Или взглядъ уловлю твой отрадный, —
Не тебѣ пѣснь любви я пою,
А твоей красотѣ ненаглядной.

Про пѣвца по зарямъ говорятъ,
Будто розу влюбленною трелью
Восхвалять неумолчно онъ радъ
Надъ душистой ея колыбелью, —

Но безмолвствуетъ, пышно чиста,
Молодая владычица сада:
Только пѣснѣ нужна красота;
Красотѣ же и пѣсенъ не надо!

Какъ ясность безоблачной ночи,
Какъ юно-нетлѣнныя звѣзды
Твои загораются очи
Всесильнымъ, таинственнымъ счастьемъ.

И все, что лучомъ ихъ случайнымъ
Далеко иль близко объято,
Блаженствомъ овѣяно тайнымъ, —
И люди, и звѣри, и скалы.

Лишь мнѣ, молодая царица,
Ни счастія нѣтъ, ни покоя,
И въ сердцѣ, какъ плѣнная птица,
Томится безкрылая пѣсня.

МУЗА.

Не въ сумрачный чертогъ Наяды говорливой
Пришла она плѣнять мой слухъ самолюбивый
Разсказомъ о щитахъ, герояхъ, и коняхъ,
О шлемахъ кованныхъ и сломанныхъ мечахъ.
Скрывая низкій лобъ подъ вѣтвію лавровой,
Съ цитарой золотой иль изъ кости слоновой,
Ни разу на моемъ не прилегла плечѣ
Богиня гордая въ расшитой епанчѣ.
Мнѣ слуха не ласкалъ языкъ ея могучій,
И гибкій, и простой, и звучный безъ созвучій;
По волѣ Піеридъ съ достоинствомъ пѣвца
Я не мечталъ стяжать широкаго вѣнца.

О, нѣтъ! Подъ дымкою ревнивой покрывала
Мнѣ Музу молодость иную указала:
Отягощала прядь душистая волосъ
Головку дивную узломъ тяжелыхъ косъ,
Цвѣты послѣдніе въ рукѣ ея дрожали,
Отрывистая рѣчь была полна печали,

И женской прихоти, и серебристыхъ грезъ,
Невысказанныхъ мукъ и непонятныхъ слезъ;
Какой-то нѣгою томительной волнуемъ,
Я слушалъ, какъ слова встрѣчались съ поцѣлуемъ,
И долго безъ нея душа была больна
И несказаннаго стремленія полна.

МУЗѢ.

Пришла и сѣла. Счастливъ и тревоженъ,
Ласкательный твой повторяю стихъ —
И если даръ мой предъ тобой ничтоженъ,
То ревностью не ниже я другихъ.

Заботливо храня твою свободу,
Непосвященныхъ я къ тебѣ не звалъ
И рабскому ихъ буйству я въ угоду
Твоихъ рѣчей не оскверня́лъ.

Все та же ты, завѣтная святыня,
На облакѣ, незримая землѣ,
Въ вѣнцѣ изъ звѣздъ, нетлѣнная богиня,
Съ задумчивой улыбкой на челѣ.

МУЗѢ.

Надолго ли опять мой уголъ посѣтила,
Заставила еще томиться и любить?
Кого на этотъ разъ собою воплотила?
Чьей рѣчью ласковой сумѣла подкупить?

Дай руку. Сядь. Зажги свой факелъ вдохновенный.
Пой, добрая! Въ тиши признаю голосъ твой
И стану, трепетный, колѣнопреклоненный,
Запоминать стихи, пропѣтые тобой.

Какъ сладко, позабывъ житейское волненье,
Отъ чистыхъ помысловъ пылать и потухать,
Могучее твое учуя дуновенье,
И вѣчно-дѣвственнымъ словамъ твоимъ внимать!

Пошли, небесная, ночамъ моимъ безсоннымъ
Еще блаженныхъ сновъ и славы, и любви,
И нѣжнымъ именемъ, едва произнесеннымъ,
Мой трудъ задумчивый опять благослови.

МУЗА.

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Пушкинъ.

Ты хочешь проклинать, рыдая и стеня,
Бичей подыскивать къ закону?
Поэтъ, остановись! Не призывай меня, —
Зови изъ бездны Тизифону!

Плѣнительные сны лелѣя наяву,
Своей божественною властью
Я къ наслажденію высокому зову
И къ человѣческому счастью.

Когда, безчинствами обиженный опять,
Въ груди заслышишь зовъ къ рыданью,
Я ради мукъ твоихъ не стану измѣнять
Свободы вѣчному призванью.

Страдать! – Страдаютъ всѣ! – Страдаетъ темный звѣрь
Безъ упованья, безъ сознанья, —
Но передъ нимъ туда навѣкъ закрыта дверь,
Гдѣ радость теплится страданья.

Ожесточенному и черствому душой
Пусть эта радость незнакома:
Зачѣмъ же лиру бьешь ребяческой рукой,
Что не труба она погрома?

Къ чему противиться природѣ и судьбѣ?
На землю сносятъ эти звуки
Не бурю страстную, не вызовы къ борьбѣ,
А исцѣленіе отъ муки.

8 мая 1887

Сердце трепещетъ отрадно и больно,
Подняты очи, и руки воздѣты:
Здѣсь на колѣняхъ я снова невольно,
Какъ и бывало, предъ вами, поэты.

Въ вашихъ чертогахъ мой духъ окрылился, —
Правду провидитъ онъ съ высей творенья:
Этотъ листокъ, что изсохъ и свалился, —
Золотомъ вѣчнымъ горитъ въ пѣснопѣньи.

Только у васъ мимолетныя грезы
Старыми въ душу глядятся друзьями,
Только у васъ благовонныя розы
Вѣчно восторга блистаютъ слезами.

Съ торжищъ житейскихъ, безцвѣтныхъ и душныхъ,
Видѣть такъ радостно тонкія краски:
Въ радугахъ вашихъ, прозрачно-воздушныхъ,
Неба родного мнѣ чудятся ласки.

5 іюня 1890

Когда отъ хмеля преступленій
Толпа развратная буйна
И радъ влачить въ грязи злой геній
Мужей великихъ имена, —

Мои сгибаются колѣни
И голова преклонена:
Зову властительныя тѣни
И ихъ читаю письмена,

Въ тѣни таинственнаго храма
Учусь сквозь волны ѳиміама
Словамъ наставниковъ внимать

И, забывая гулъ народный,
Ввѣряясь думѣ благородной,
Могучимъ вздохомъ ихъ дышать.

МЕЛОДІИ

Шопотъ. Робкое дыханье.
Трели соловья.
Серебро и колыханье
Соннаго ручья.

Свѣтъ ночной. Ночныя тѣни, —
Тѣни безъ конца.
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица.

Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы,
Отблескъ янтаря,
И лобзанія, и слезы, —
И заря, заря! . .

СЕРЕНАДА.

Тихо вечеръ догораетъ,
Горы золотя;
Знойный воздухъ холодаетъ, —
Спи, мое дитя!

Соловьи давно запѣли,
Сумракъ возвѣстя;
Струны робко зазвенѣли, —
Спи, мое дитя!

Смотрятъ ангельскія очи,
Трепетно свѣтя;
Такъ легко дыханье ночи, —
Спи, мое дитя!

Тихая, звѣздная ночь.
Трепетно свѣтитъ луна.
Сладки уста красоты
Въ тихую звѣздную ночь.

Другъ мой, въ сіяньи ночномъ
Какъ мнѣ печаль превозмочь?
Ты же свѣтла, какъ любовь
Въ тихую звѣздную ночь.

Другъ мой, я звѣзды люблю
И отъ печали не прочь.
Ты же — еще мнѣ милѣй
Въ тихую звѣздную ночь.

Выйдемъ съ тобой побродить
  Въ лунномъ сіяніи:
Долго ли душу томить
  Въ темномъ молчаніи!

Прудъ — какъ блестящая сталь;
  Травы — въ рыданіи;
Мельница, рѣчка и даль —
  Въ лунномъ сіяніи . . .

Можно ль тужить и не жить
  Намъ въ обаяніи?
Выйдемъ тихонько бродить
  Въ лунномъ сіяніи!

Не отходи отъ меня,
Другъ мой, останься со мной!
Не отходи отъ меня:
Мнѣ такъ отрадно съ тобой!

Ближе другъ къ другу, чѣмъ мы, —
Ближе нельзя намъ и быть;
Чище, живѣе, сильнѣй
Мы не умѣемъ любить.

Если же ты предо мной,
Грустно головку склоня, —
Мнѣ такъ отрадно съ тобой!..
Не отходи отъ меня!

Сядемъ здѣсь, у этой ивы.
Что за чудные извивы
На корѣ вокругъ дупла!
А подъ ивой — какъ красивы
Золотые переливы
Струй дрожащаго стекла!

Вѣтви сочныя дугою
Перегнулись надъ водою,
Какъ зеленый водопадъ;
Какъ живые, какъ иглою,
Будто споря межъ собою,
Листья воду бороздятъ.

Въ этомъ зеркалѣ подъ ивой
Уловилъ мой глазъ ревнивый
Сердцу милыя черты . . .
Мягче взоръ твой горделивый . . .
Я дрожу, глядя, счастливый,
Какъ въ водѣ дрожишь и ты . . .

Встрѣчу ль яркую въ небѣ зарю,
Ей про тайну свою говорю.

Подойду ли къ лѣсному ключу —
И ему я про тайну шепчу.

А какъ звѣзды въ ночи задрожатъ,
Я всю ночь имъ разсказывать радъ.

Лишь когда на тебя я гляжу,
Ни за что ничего не скажу.

13 іюля 1882

РОМАНСЪ.

Я тебѣ ничего не скажу
И тебя не встревожу ничуть
И о томъ, что я молча твержу,
Не рѣшусь ни за что намекнуть.

Цѣлый день спятъ ночные цвѣты,
Но, лишь солнце за рощу зайдетъ,
Раскрываются тихо листы,
И я слышу, какъ сердце цвѣтетъ . . .

И въ больную, усталую грудь
Вѣетъ влагой ночной . . . Я дрожу . . .
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебѣ ничего не скажу!

2 сент. 1885

Жду я тревогой объятъ,
Жду тутъ на самомъ пути:
Этой тропой черезъ садъ
Ты обѣщалась прійти.

Плачась, комаръ пропоетъ.
Свалится плавно листокъ.
Слухъ, раскрываясь, растетъ,
Какъ полуночный цвѣтокъ.

Словно струну оборвалъ
Жукъ, налетѣвши на ель.
Хрипло подругу позвалъ
Тутъ же у ногъ коростель.

Тихо подъ сѣнью лѣсной
Спятъ молодые кусты.
Ахъ, какъ пахнуло весной!..
Это — навѣрное ты!

13 дек. 1886

ФАНТАЗІЯ.

Мы одни. Изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяцъ. Тусклы наши свѣчи.
Твой душистый, твой послушный локонъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи.

Что жъ молчимъ мы? Или самовластно
Царство тихой, свѣтлой ночи майской?
Иль поетъ и ярко такъ и страстно
Соловей надъ розою китайской?

Знать цвѣты, которыхъ нѣтъ завѣтнѣй,
Распустились въ нѣгѣ своевольной.
Знать и кактусъ побѣлѣлъ столѣтній,
И бананъ, и лотосъ богомольный.

Иль проснулись птички за кустами,
Тамъ, гдѣ вѣтеръ колыхалъ ихъ гнѣзды,
И, дрожа ревнивыми лучами,
Ближе, ближе къ намъ нисходятъ звѣзды?

На суку извилистомъ и чудномъ,
Пестрыхъ сказокъ пышная жилица,
Вся въ огнѣ, въ сіяньи изумрудномъ,
Надъ водой качается жаръ-птица;

Расписныя раковины блещутъ
Въ переливахъ чудной позолоты;
До луны жемчужной пѣной мещутъ
И алмазной пылью водометы;

Листья полны свѣтлыхъ насѣкомыхъ;
Все растетъ и рвется вонъ изъ мѣры;
Много сновъ проносится знакомыхъ,
И на сердцѣ много сладкой вѣры . . .

Переходятъ радужныя краски,
Раздражая око свѣтомъ ложнымъ, —
Мигъ еще — и нѣтъ волшебной сказки,
И душа опять полна возможнымъ . . .

Мы одни, — изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяцъ, — тусклы наши свѣчи, —
Твой душистый, твой послушный локонъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи . . .

Мѣсяцъ зеркальный плыветъ по лазурной пустынѣ.
Травы степныя унизаны влагой вечерней.
Рѣчи отрывистѣй, сердце опять суевѣрнѣй . . .
Длинныя тѣни вдали потонули въ ложбинѣ.

Въ этой ночи, какъ въ желаніяхъ, все безпредѣльно!
Крылья растутъ у какихъ-то воздушныхъ стремленій, –
Взялъ бы тебя и помчался бы также безцѣльно,
Свѣтъ унося, покидая невѣрныя тѣни!

Можно ли, другъ мой, томиться въ тяжелой кручинѣ?
Какъ не забыть, хоть на время, язвительныхъ терній?
Травы степныя сверкаютъ росою вечерней,
Мѣсяцъ зеркальный бѣжитъ по лазурной пустынѣ . . .

— „Сны и тѣни,
Сновидѣнья,
Въ сумракъ трепетно манящія;
Всѣ ступени
Усыпленья,
Легкимъ роемъ преходящія, —

Не мѣшайте
Мнѣ спускаться
Къ переходу сокровенному!
Дайте, дайте
Мнѣ умчаться
Съ вами къ свѣту отдаленному! . .“

— „Только минемъ
Сумракъ свода, —
Тѣни станемъ мы прозрачныя
И покинемъ
Тамъ у входа
Покрывала наши мрачныя.“

Сплю я. Тучки дружныя,
Вешнія, жемчужныя
Мчатся надо мной;
Смутныя, узорныя,
Тѣни ихъ проворныя
По полямъ грядой

Подбѣжали къ чистому
Пруду серебристому,
И — вдвойнѣ свѣтло:
Ужъ не тѣни мрачныя, —
Облака прозрачныя
Смотрятся въ стекло.

Сплю я. Безотрадною
Тканью непроглядною
Тянутся мечты, —
Вдругъ сама завѣтная,
Кроткая, привѣтная,
Улыбнулась ты.

19 сент. 1887

СОНЪ.

Снился берегъ мнѣ скалистый . . .
Море спало подъ луною,
Какъ ребенокъ дремлетъ чистый, —
И, по немъ скользя съ тобою,
Въ дымъ прозрачный и волнистый
Шли алмазной мы стезею.

ВО СНѢ.

Какъ вешній день, твой ликъ приснился снова, —
Знакомую привѣтствую красу,
И по волнамъ ласкающаго слова
Я образъ твой прелестный понесу.

Сомнѣній нѣтъ, неясной нѣтъ печали,
Все высказать во снѣ умѣю я, —
И мчитъ да мчитъ, все далѣе и далѣ,
Съ тобою насъ воздушная ладья.

Передъ тобой съ колѣнопреклоненьемъ
Стою, плѣненъ волшебною игрой,
А за тобой — колеблемый движеньемъ,
Неясный звуковъ отстающій рой . . .

26 апр. 1890

ШОПЕНУ.

Ты мелькнула, ты предстала, —
Снова сердце задрожало . . .
Подъ чарующіе звуки
То же счастье, тѣ же муки,
Слышу трепетныя руки, —
        Ты еще со мной!
Часъ блаженный, часъ печальный,
Часъ послѣдній, часъ прощальный!
Тѣ же легкія одежды, —
Ты стоишь, склоняя вѣжды, —
И не нужно мнѣ надежды:
        Этотъ часъ — онъ мой!

Ты руки моей коснулась, —
Разомъ сердце встрепенулось . . .
Не туда, въ то горе злое, —
Я несусь въ мое былое,
Я на все, на все иное
        Отпылалъ, потухъ!

Этой пѣснѣ чудотворной
Такъ покоренъ міръ упорный!
Пусть же сердце, полно муки,
Торжествуетъ часъ разлуки
И, когда загаснутъ звуки, —
Разорвется вдругъ!

„ANRUF AN DIE GELIEBTE" БЕТХОВЕНА.

Пойми хоть разъ тоскливое признанье,
Хоть разъ услышь души молящей стонъ.
Я предъ тобой, прекрасное созданье,
Безвѣстныхъ силъ дыханьемъ окрыленъ.

Я образъ твой ловлю передъ разлукой,
Я полонъ имъ, и млѣю, и дрожу,
И, безъ тебя — томясь предсмертной мукой,
Своей тоской, какъ счастьемъ дорожу,

Ее пою, во прахъ упасть готовый,
Ты предо мной стоишь какъ божество, —
И я блаженъ: я въ каждой мукѣ новой
Твоей красы провижу торжество.

ПѢВИЦѢ.

Уноси мое сердце въ звенящую даль,
Гдѣ, какъ мѣсяцъ за рощей, печаль!
Въ этихъ звукахъ на жаркія слезы твои
Кротко свѣтитъ улыбка любви.

О, дитя, какъ легко средь незримыхъ зыбей
Довѣряться мнѣ пѣснѣ твоей!
Выше, выше плыву серебристымъ путемъ,
Будто шаткая тѣнь за крыломъ...

Вдалекѣ замираетъ твой голосъ, горя,
Словно за моремъ ночью заря, —
И откуда-то, — вдругъ, — я понять не могу, —
Грянетъ звонкій приливъ жемчугу...

Уноси жъ мое сердце въ звенящую даль,
Гдѣ кротка, какъ улыбка, печаль,
И все выше помчусь серебристымъ путемъ
Я, какъ шаткая тѣнь за крыломъ.

Сіяла ночь. Луной былъ полонъ садъ. Лежали
Лучи у нашихъ ногъ въ гостиной безъ огней.
Рояль былъ весь раскрытъ, и струны въ немъ дрожали,
Какъ и сердца у насъ, за пѣснею твоей.

Ты пѣла до зари, въ слезахъ изнемогая,
Что ты — одна любовь, что нѣтъ любви иной, —
И такъ хотѣлось жить, чтобъ, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать надъ тобой! . .

И много лѣтъ прошло, томительныхъ и скучныхъ,
И вотъ въ тиши ночной твой голосъ слышу вновь —
И вѣетъ, какъ тогда, во вздохахъ этихъ звучныхъ,
Что ты одна вся жизнь, что ты одна любовь,

Что нѣтъ обидъ судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нѣтъ конца и цѣли нѣтъ иной,
Какъ только вѣровать въ рыдающіе звуки,
Тебя любить, обнять и плакать надъ тобой!

РОМАНСЪ.

Злая пѣснь, какъ больно возмутила
Ты дыханьемъ душу мнѣ до дна!
До зари въ груди дрожала, ныла
Эта пѣсня, — эта пѣснь одна.

И поющимъ отдаваться мукамъ
Было слаще обаянья сна:
Умереть хотѣлось съ каждымъ вздохомъ,
Сердцу грудь казалася тѣсна.

Но съ зарей потухнулъ жаръ напѣвный,
И душа затихнула до дна.
Въ озаренной глубинѣ душевной
Лишь улыбка устъ твоихъ видна.

Нѣтъ, не жди ты пѣсни страстной:
Эти звуки — бредъ неясный,
Томный звонъ струны;
Но, полны тоскливой муки,
Навѣваютъ эти звуки
Ласковые сны.

Звонкимъ роемъ налетѣли, —
Налетѣли и запѣли
Въ свѣтлой вышинѣ . . .
Какъ ребенокъ имъ внимаю:
Что сказалось въ нихъ, не знаю —
И не нужно мнѣ:

Позднимъ лѣтомъ въ окна спальной
Тихо шепчетъ листъ печальный, —
Шепчетъ не слова,
Но подъ легкій шумъ березы
Къ изголовью, въ царство грезы,
Никнетъ голова.

Прежніе звуки — съ былымъ обаяньемъ
Счастья и юной любви . . .
Все, что сказалося въ жизни страданьемъ,
Пламенемъ жгучимъ пахнуло въ крови!

Старыя пѣсни, знакомые звуки,
Сонъ безотвязно больной . . .
Точно изъ сумрака блѣдныя руки
Призраковъ нѣжныхъ манятъ за собой . . .

Пусть обливается жгучею кровью
Сердце, а очи — слезой:
Доброю няней прильнувъ къ изголовью,
Старая пѣсня, звучи надо мной!

Пой, не смущайся! Пусть время былое
Яркой зарей расцвѣтетъ:
Можетъ-быть, сердце утихнетъ больное
И, какъ дитя въ колыбели, уснетъ.

Полуночные образы рѣютъ,
Блещутъ искрами ярко впотьмахъ,
Но глаза различить не умѣютъ,
Много ль ихъ на тревожныхъ крылахъ.

Полуночные образы стонутъ,
Какъ больной въ утомительномъ снѣ,
И всплываютъ, и стонутъ, и тонутъ, —
Но о чемъ это стонутъ онѣ?

Полуночные образы воютъ,
Какъ духовъ испугавшійся песъ,
То нахлынутъ, то бездну откроютъ,
Какъ волна обнажаетъ утесъ.

Недвижныя очи, безумныя очи,
Зачѣмъ вы средь дня и въ часы полуночи
Такъ жадно вперяетесь вдаль?
Ужели вы въ томъ потонули минувшемъ,
Давно и мгновенно предъ вами мелькнувшемъ,
Котораго сердцу такъ жаль?

Не высмотрѣть вамъ, чего нѣтъ и что было,
Что сердце, тоскуя, въ себѣ схоронило
На самое темное дно;
Не вамъ допросить у случайности жадной,
Куда она скрыла рукой безпощадной,
Что было такъ щедро дано!

ПРИРОДА

Теплый вѣтеръ тихо вѣетъ,
Жизнью свѣжей дышитъ степь,
И кургановъ зеленѣетъ
Убѣгающая цѣпь.

И далеко межъ кургановъ
Темно-сѣрою змѣей
До блѣднѣющихъ тумановъ
Пролегаетъ путь родной.

Къ безотчетному веселью
Подымаясь въ небеса,
Сыплютъ съ неба трель за трелью
Вешнихъ птичекъ голоса.

ВЕСЕННІЙ ДОЖДЬ.

Еще свѣтло, — передъ окномъ
Въ разрывы облакъ солнце блещетъ,
И воробей своимъ крыломъ,
Въ пескѣ купаяся, трепещетъ, —

А ужъ отъ неба до земли,
Качаясь, движется завѣса,
И, будто въ золотой пыли,
Стоитъ за ней опушка лѣса.

Двѣ капли брызнули въ стекло,
Отъ липъ душистымъ медомъ тянетъ,
И что-то къ саду подошло, —
По свѣжимъ листьямъ барабанитъ . . .

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и свѣта,
Этотъ синій сводъ,
Этотъ крикъ и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этотъ говоръ водъ,

Эти ивы и березы,
Эти капли, — эти слезы, —
Этотъ пухъ, — не листъ, —
Эти горы, эти долы,
Эти мошки, эти пчелы,
Этотъ зыкъ и свистъ,

Эти зори безъ затменья,
Этотъ вздохъ ночной селенья,
Эта ночь безъ сна,
Эта мгла и жаръ постели,
Эта дробь и эти трели,
Это все — весна!

Зрѣетъ рожь надъ жаркой нивой,
И отъ нивы и до нивы
Гонитъ вѣтеръ прихотливый
Золотые переливы.

Робко мѣсяцъ смотритъ въ очи,
Изумленъ, что день не минулъ,
Но широко въ область ночи
День объятія раскинулъ.

Надъ безбрежной жатвой хлѣба
Межъ заката и востока
Лишь на мигъ смежаетъ небо
Огнедышащее око.

Вчера — ужъ солнце рдѣло низко —
Средь георгинъ я шелъ твоихъ,
И, какъ живая одалиска,
Стояла каждая изъ нихъ.

Какъ много пылкихъ или томныхъ,
Съ наклономъ бархатныхъ рѣсницъ,
Веселыхъ, грустныхъ и нескромныхъ
Отвсюду улыбалось лицъ!

Казалось, нѣтъ конца ихъ грезамъ
На мягкомъ лонѣ тишины, —
А нынче утреннимъ морозомъ
Онѣ стоятъ опалены . . .

Но прежнимъ тайнымъ обаяньемъ
Отъ нихъ повѣяло опять,
И надъ безмолвнымъ увяданьемъ
Мнѣ какъ-то совѣстно роптать.

Вчерашній вечеръ помню живо:
Синѣли глубью небеса,
Листъ трепеталъ, краснорѣчиво
Глядѣли звѣзды намъ въ глаза,

Свѣтились зори издалека,
Фонтанъ сверкалъ такъ горячо,
И млечный путь бѣжалъ широко
И звалъ: „Смотри! Еще! Еще!“

Сегодня все вокругъ заснуло,
Какъ дымкой твердь заволокло,
И въ полумракѣ затонуло
Воды игривое стекло;

Но не томлюсь среди тумана,
Меня не давитъ мракъ лѣсной:
Я слышу плескъ живой фонтана
И чую звѣзды надъ собой.

5 авг. 1882

Устало все кругомъ: усталъ и цвѣтъ небесъ,
И вѣтеръ, и рѣка, и мѣсяцъ, что родился,
И ночь, и въ зелени потусклой спящій лѣсъ,
И желтый тотъ листокъ, что наконецъ свалился, —

Лепечетъ лишь фонтанъ средь дальней темноты,
О жизни говоря незримой, но знакомой . . .
О, ночь осенняя, какъ всемогуща ты
Отказомъ отъ борьбы и смертною истомой.

24 авг. 1889

ВЕЧЕРЪ.

Прозвучало надъ ясной рѣкою,
Прозвенѣло въ померкшемъ лугу,
Прокатилось надъ рощей нѣмою,
Засвѣтилось на томъ берегу.

Далеко въ полумракѣ луками
Убѣгаетъ на западъ рѣка.
Погорѣвъ золотыми каймами,
Разлетѣлись, какъ дымъ, облака.

На пригоркѣ то сыро, то жарко, —
Вздохи дня есть въ дыханьи ночномъ, —
Но зарница ужъ теплится ярко
Голубымъ и зеленымъ огнемъ.

Солнце садится, и вѣтеръ утихнулъ летучій, —
Нѣтъ и слѣда тѣхъ огнями пронизанныхъ тучъ.
Вотъ на окраинѣ дрогнулъ живой и не жгучій,
Всю эту степь озарившій и гаснущій лучъ.

Солнца ужъ нѣтъ, нѣтъ и дня неустанныхъ стремленій,
Только закатъ будетъ долго чуть зримо горѣть . . .
О, если бъ небо судило безъ тяжкихъ томленій
Такъ же и мнѣ, оглянувшись на жизнь, умереть!

29 апр. 1883

Заря прощается съ землею.
Ложится паръ на днѣ долинъ.
Смотрю на лѣсъ, покрытый мглою,
И на огни его вершинъ:

Какъ незамѣтно потухаютъ
Лучи и гаснутъ подъ конецъ!
Съ какою нѣгой въ нихъ купаютъ
Деревья пышный свой вѣнецъ!

И — все таинственнѣй, безмѣрнѣй —
Ихъ тѣнь растетъ, растетъ какъ сонъ...
Какъ тонко по зарѣ вечерней
Ихъ легкій очеркъ вознесенъ!

Какъ будто, чуя жизнь двойную
И ей овѣяны вдвойнѣ, —
И землю чувствуютъ родную
И въ небо просятся онѣ.

Растутъ, растутъ причудливыя тѣни,
Въ одну сливаясь тѣнь.
Ужъ позлатилъ послѣднія ступени
Перебѣжавшій день.

Что звало жить, что силы горячило, —
Далеко за горой.
Какъ призракъ дня, ты, блѣдное свѣтило,
Восходишь надъ землей —

И на тебя, какъ на воспоминанье,
Я обращаю взоръ . . .
Смолкаетъ лѣсъ, блѣднѣй ручья сіянье,
Потухли выси горъ, —

Лишь ты одно скользишь стезей лазурной,
Недвижно все окрестъ,
Да сыплетъ ночь своей бездонной урной
Къ намъ миріады звѣздъ . . .

Третью ужъ ночь вотъ на этомъ холмѣ за оврагомъ
Конь мой по звонкой дорогѣ пускается шагомъ.

Третью ужъ ночь, миновавъ эту старую иву,
Самъ я невольно лицомъ обращаюсь къ заливу.

Только вдали потухая за дымкою сизой,
Весь въ ширину онъ серебряной свѣтится ризой.

Спитъ онъ такъ тихо, что ухо, исполнясь вниманья,
Даже средь камней его не уловитъ дыханья.

Въ блескъ этотъ душу уноситъ волшебная сила...
Что за слова мнѣ она въ эту ночь говорила!

Сколько въ веселыхъ рѣчахъ прозвучало привѣта!
Сколько въ нихъ сердце почуяло нѣги и свѣта!

Ахъ, что за ночь! Тише, конь мой, — куда торопиться?
Радъ и сегодня я сномъ до зари не забыться!

Какая ночь! На всемъ какая нѣга!
Благодарю, родной полночный край!
Изъ царства льдовъ, изъ царства вьюгъ и снѣга,
Какъ чистъ и свѣжъ твой вылетаетъ май!

Какая ночь! Всѣ звѣзды до единой
Тепло и кротко въ душу смотрятъ вновь,
И въ воздухѣ за пѣснью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Березы ждутъ. Ихъ листъ полупрозрачный
Застѣнчиво манитъ и тѣшитъ взоръ.
Онѣ дрожатъ. Такъ дѣвѣ новобрачной
И радостенъ и чуждъ ея уборъ.

Нѣтъ, никогда нѣжнѣй и безтѣлеснѣй
Твой ликъ, о, ночь, не могъ меня томить!
Опять къ тебѣ иду съ невольной пѣсней,
Невольной — и послѣдней, можетъ быть...

Благовонная ночь, благодатная ночь,
Раздраженье недужной души!
Все бы слушалъ тебя — и молчать мнѣ не въ мочь
Въ говорящей такъ ясно тиши.

Широко раскидалась лазурная высь,
И огни золотые горятъ:
Эти звѣзды кругомъ точно всѣ собрались,
Не мигая, смотрѣть въ этотъ садъ.

А ужъ мѣсяцъ, что всплылъ надъ зубцами аллей
И въ лицо прямо смотритъ, — онъ жгучъ!
Въ недалекой тѣни непроглядныхъ вѣтвей
И сверкаетъ и плещется ключъ.

И мѣняется звуковъ отдѣльный ударъ:
Такъ ласкательно шепчутъ струи.
Словно робкія струны воркуютъ гитаръ,
Напѣвая призывы любви,

Словно все и горитъ и звенитъ заодно,
Чтобъ мечтѣ невозможной помочь, —
Словно, дрогнувъ слегка, распахнется окно
Поглядѣть въ серебристую ночь . . .

28 апр. 1887

На стогѣ сѣна ночью южной
Лицомъ ко тверди я лежалъ,
И хоръ свѣтилъ, живой и дружный,
Кругомъ раскинувшись, дрожалъ.

Земля, какъ смутный сонъ нѣмая,
Безвѣстно уносилась прочь,
И я, какъ первый житель рая,
Одинъ въ лицо увидѣлъ ночь.

Я ль несся къ безднѣ полунощной,
Иль сонмы звѣздъ ко мнѣ неслись?
Казалось, будто въ длани мощной
Надъ этой бездной я повисъ,

И съ замираньемъ и смятеньемъ
Я взоромъ мѣрилъ глубину,
Въ которой съ каждымъ я мгновеньемъ
Все невозвратнѣе тону.

МОРЕ И ЗВѢЗДЫ.

На море ночное мы оба глядѣли.
Подъ нами скала обрывалася бездной,
Вдали затихавшія волны бѣлѣли,
А съ неба отсталыя тучки летѣли,
И ночь красотой одѣвалася звѣздной.

Любуясь раздольемъ движенья двойного,
Мечта позабыла мертвящую сушу:
И съ моря ночного, и съ неба ночного,
Какъ будто изъ дальняго края родного,
Цѣлебною силою вѣяло въ душу.

Всю злобу земную, гнетущую, вскорѣ,
По-своему каждый, мы оба забыли, —
Какъ будто меня убаюкало море,
Какъ будто твое утолилося горе,
Какъ будто бы звѣзды тебя побѣдили.

НА РАЗСВѢТѢ.

Плавно у ночи съ чела
Мягкая падаетъ мгла.

Съ поля широкаго тѣнь
Жмется подъ ближнюю сѣнь.

Жаждою свѣта горя
Выйти стыдится заря.

Холодно, ясно, бѣло.
Дрогнуло птицы крыло.

Солнца еще не видать,
А на душѣ — благодать.

1 апр. 1886

ОТВѢТЪ ТУРГЕНЕВУ.

Поэтъ, ты хочешь знать, за что такой любовью
Мы любимъ родину съ тобой,
Зачѣмъ въ разлукѣ съ ней, наперекоръ злословью,
Готово сердце въ насъ истечь до капли кровью
По красотѣ ея родной?

Что жъ, пусть весна у насъ позднѣе и короче, —
Но вотъ дождались наконецъ:
Синѣй, мечтательнѣй божественныя очи,
И раздражительнѣй не меркнущія ночи,
И зеленѣй ея вѣнецъ . . .

Вчера я шелъ въ ночи и помню очертанье
Багряно-золотистыхъ тучъ:
Не могъ я разгадать, — то яркое сіянье
Вечерней ли зари послѣднее прощанье,
Иль утра пламеннаго лучъ?

Какъ будто среди дня, замолкнувши мгновенно,
    Столица сѣвера спала,
Подъ обаяньемъ сна горда и неизмѣнна,
И надъ громадой ночь, блѣдна и вдохновенна,
    Какъ ясновидящая шла.

Не вѣрилося мнѣ, а взоры различали,
    Скользя по ясной синевѣ,
Чьи корабли вдали на рейдѣ отдыхали, —
А воды, не струясь, подъ ними отражали
    Всѣ флаги пестрые въ Невѣ.

Заныла грудь моя, — но въ думахъ окрыленныхъ
    Съ тобой мы встрѣтилися, другъ:
О, вѣрь, что никогда въ объятьяхъ распаленныхъ
Не могъ такихъ ночей вполнѣ разоблаченныхъ
    Лелѣять сладострастный югъ!

Солнце нижетъ лучами въ отвѣсъ,
И дрожатъ испареній струи
У окраины яркихъ небесъ.
Распахни мнѣ объятья твои,
Густолистый, развѣсистый лѣсъ,

Чтобъ въ лицо и въ горячую грудь
Хлынулъ вздохъ твой студеной волной,
Чтобъ и мнѣ было сладко вздохнуть,
Дай устами и взоромъ прильнуть
У корней мнѣ къ водѣ ключевой!

Чтобъ и я въ этомъ морѣ исчезъ,
Потонулъ въ той душистой тѣни,
Что раскинулъ твой пышный навѣсъ, —
Распахни мнѣ объятья твои,
Густолистый, развѣсистый лѣсъ!

Яркимъ солнцемъ въ лѣсу пламенѣетъ костеръ,
И, сжимаясь, трещитъ можжевельникъ.
Точно пьяныхъ гигантовъ столпившійся хоръ,
Раскраснѣвшись, шатается ельникъ.

Я и думать забылъ про холодную ночь, —
До костей и до сердца прогрѣло;
Что смущало, — колеблясь, умчалося прочь,
Будто искры въ дыму улетѣло.

Пусть на зорькѣ, все ниже спускаясь, дымокъ
Надъ золою замретъ сиротливо:
Долго-долго до поздней поры, огонекъ
Будетъ теплиться скупо, лѣниво.

И лѣниво и скупо мерцающій день
Ничего не укажетъ въ туманѣ:
У холодной золы изогнувшійся пень
Прочернѣетъ одинъ на полянѣ.

Но нахмурится ночь, — разгорится костеръ
И, віясь, затрещитъ можжевельникъ,
И, какъ пьяныхъ гигантовъ столпившійся хоръ,
Покраснѣвъ, зашатается ельникъ.

ГОРНОЕ УЩЕЛЬЕ.

За лѣсомъ лѣсъ, и за горами горы,
За темными лилово-голубыя,
И, если долго къ нимъ приникнутъ взоры,
За блѣднымъ рядомъ выступятъ другія.

Здѣсь темный дубъ и ясень изумрудный,
А тамъ лазури тающая нѣжность, —
Какъ будто изъ дѣйствительности чудной
Уносишься въ волшебную безбрежность.

И въ дальній блескъ душа летѣть готова,
Не трепетомъ, а радостью объята,
Какъ будто это чувство ей не ново,
А сладостно ужъ грезилось когда-то.

ГОРНАЯ ВЫСЬ.

Превыше тучъ, покинувъ горы
И наступя на темный лѣсъ,
Ты за собою смертныхъ взоры
Зовешь на синеву небесъ.

Снѣговъ серебряныхъ порфира
Не хочетъ праха прикрывать:
Твоя судьба — на граняхъ міра
Не снисходить, а возвышать.

Не тронетъ вздохъ тебя безсильный,
Не омрачитъ земли тоска;
У ногъ твоихъ, какъ дымъ кадильный,
Віяся, таютъ облака.

На зеленыхъ уступахъ лѣсовъ
Неизмѣнной своей бѣлизной
Вознеслась ты подъ сводъ голубой
Надъ бродячей толпой облаковъ.

И земному въ небесный чертогъ
Не дано ничему достигать:
Соберется туманная рать —
И растаетъ у царственныхъ ногъ.

23 іюля 1886

ЛЮБОВЬ

Когда мои мечты за гранью прошлыхъ дней
Найдутъ тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, какъ первый іудей
На рубежѣ земли обѣтованной.

Не жаль мнѣ дѣтскихъ игръ, не жаль мнѣ тихихъ сновъ,
Тобой такъ сладостно и больно возмущенныхъ
Въ тѣ дни, какъ постигалъ я первую любовь
По бунту чувствъ неугомонныхъ,

По сжатію руки, по отблеску очей,
Сопровождаемыхъ то вздохами, то смѣхомъ,
По ропоту простыхъ, незначащихъ рѣчей,
Лишь намъ звучавшихъ страсти эхомъ.

О, долго буду я въ молчаньи ночи тайной
Коварный лепетъ твой, улыбку, взоръ случайный,
Перстамъ послушную волосъ густую прядь
Изъ мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, одинъ, никѣмъ не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты;
Шептать и поправлять былыя выраженья,
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья,
И въ опьянѣніи, наперекоръ уму,
Завѣтнымъ именемъ будить ночную тьму!

Когда мечтательно я преданъ тишинѣ
И вижу кроткую царицу ясной ночи,
Когда созвѣздія заблещутъ въ вышинѣ,
И сномъ у Аргуса начнутъ смыкаться очи,

И близокъ часъ уже, условленный тобой,
И ожиданіе съ минутой возрастаетъ,
И я стою уже, безумный и нѣмой,
И каждый звукъ ночной смущеннаго пугаетъ,

И нетерпѣніе сосетъ больную грудь,
И ты идешь одна, украдкой, озираясь,
И я спѣшу въ лицо прекрасной заглянуть,
И вижу ясное, и тихо, улыбаясь,

Ты на слова любви мнѣ говоришь: „люблю!",
А я безсвязныя связать стараюсь рѣчи,
Дыханьемъ пламеннымъ дыханіе ловлю,
Цѣлую волосы душистые и плечи

И долго слушаю, какъ ты молчишь, и мнѣ
Ты предаешься вся для страстнаго лобзанья, —
О, другъ, какъ счастливъ я, — какъ счастливъ я вполнѣ!
Какъ жить мнѣ хочется до новаго свиданья!

Какое счастіе: и ночь, и мы одни!
Рѣка — какъ зеркало и вся блеститъ звѣздами,
А тамъ то — голову закинь-ка, да взгляни:
Какая глубина и чистота надъ нами!

О, называй меня безумнымъ! Назови,
Чѣмъ хочешь: въ этотъ мигъ я разумомъ слабѣю
И въ сердцѣ чувствую такой приливъ любви,
Что не могу молчать, не стану, не умѣю!

Я боленъ, я влюбленъ; но мучась и любя, —
О, слушай! о, пойми! — я страсти не скрываю,
И я хочу сказать, что я люблю тебя —
Тебя, одну тебя люблю я и желаю!

Люди спятъ, — мой другъ, пойдемъ въ тѣнистый садъ:
Люди спятъ, однѣ лишь звѣзды къ намъ глядятъ,

Да и тѣ не видятъ насъ среди вѣтвей,
И не слышатъ, — слышитъ только соловей,

Да и тотъ не слышитъ: пѣснь его громка,
Развѣ слышатъ только сердце и рука:

Слышитъ сердце, сколько радостей земли,
Сколько счастія сюда мы принесли,

Да рука, услыша, сердцу говоритъ,
Что чужая въ ней пылаетъ и дрожитъ,

Что и ей отъ этой дрожи горячо,
Что къ плечу невольно клонится плечо . . .

Встаетъ мой день, какъ труженикъ убогій,
И свѣтитъ мнѣ безъ силы и огня,
И я бреду съ заботой и тревогой.

Мы думой врозь, — тебѣ не до меня.
Но вотъ луна прокралася изъ саду
И гаситъ ночь въ рукѣ дрожащей дня

Своимъ дыханьемъ яркую лампаду.
Таинственнымъ окружена огнемъ,
Сама идешь ты мнѣ принесть отраду;

Забыто все, что угнетало днемъ,
И, полные слезами умиленья,
Мы объ руку, блаженные, идемъ,

И тѣни нѣтъ тяжелаго сомнѣнья.

Послѣдній звукъ умолкъ въ лѣсу глухомъ,
Послѣдній лучъ погаснулъ за горою, —
О, скоро ли, въ безмолвіи ночномъ,
Прекрасный другъ, увижусь я съ тобою?

О, скоро ли младенческая рѣчь
Въ испугъ мое измѣнитъ ожиданье?
О, скоро ли къ груди моей прилечь
Ты поспѣшишь, вся трепетъ, вся желанье?

Скользитъ туманъ прозрачный надъ рѣкой,
Какъ твой покровъ свиваясь и бѣлѣя . . .
Часъ фей насталъ! Увижусь ли съ тобой
Я въ царствѣ фей, мечтательная фея?

Иль заодно съ тобой и ночь и мгла
Меня томятъ и нѣжатъ въ заблужденьи?
Иль эта страсть больная солгала,
И жаръ ночной потухнетъ въ пѣснопѣньи?

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ,
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;

Разсказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся, вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенный полонъ жаждой;

Разсказать, что съ той же страстью,
Какъ вчера, пришелъ я снова,
Что душа все такъ же счастью
И тебѣ служить готова;

Разсказать, что отовсюду
На меня весельемъ вѣетъ,
Что не знаю самъ, что буду
Пѣть, — но только пѣсня зрѣетъ!

Въ моемъ саду, въ тѣни густыхъ аллей,
Поетъ въ ночи влюбленный соловей,
И, позлащенъ іюньскою луной,
Шумитъ фонтанъ холодною волной,
Кругомъ росой увлажены цвѣты, —
Пойдемъ туда вкушать восторгъ мечты!

Не чуждъ ли ты волшебныхъ чаръ любви?
Въ моемъ саду сильнѣй огонь въ крови,
Все чудно тамъ, и звѣзды надъ тобой
Текутъ плавнѣй небесной синевой,
Луна дрожитъ и блещетъ какъ алмазъ, —
Пойдемъ туда: полюбишь въ первый разъ.

Но если ты ужъ любишь и любимъ,
Все тамъ найдешь, все назовешь своимъ:
Фонтанъ, цвѣты, влюбленный соловей, —
Вездѣ она, вездѣ поютъ о ней!
Къ лунѣ ли взоръ — тамъ тихо и свѣтло: —
Опять она, опять ея чело!

До 1840

Какъ эта ночь, ты радостно-свѣтла,
Подобно ей къ мечтамъ ты призываешь
И, какъ луна, что тамъ, вдали, взошла,
Все кроткое душѣ напоминаешь.

Она живетъ въ минувшемъ, не скорбя,
И весело къ грядущему стремится.
Взгляну ли въ даль, взгляну ли на тебя, —
И въ сердцѣ свѣтъ какой-то загорится.

Только въ мірѣ и есть, что тѣнистый
Дремлющихъ кленовъ шатеръ!
Только въ мірѣ и есть, что лучистый
Дѣтски-задумчивый взоръ!

Только въ мірѣ и есть, что душистый
Милой головки уборъ!
Только въ мірѣ и есть — этотъ чистый
Влѣво бѣгущій проборъ!

3 апр. 1883

Все вокругъ и пестро такъ и шумно,
Но напрасно толпа весела:
Безъ тебя я тоскую безумно, —
Ты улыбку мою унесла.

Только изрѣдка поздней порою,
Послѣ скучнаго, тяжкаго дня
Нѣжный ликъ твой встаетъ предо мною, —
И ему улыбаюся я.

О, не ввѣряйся ты шумному
Блеску толпы неразумному. —
Ты его міру безумному,
Брось и о немъ не тужи:
Льни ты — хотя-бъ къ преходящему,
Трепетной нѣгой манящему,
Лишь одному настоящему,
Имъ лишь однимъ дорожи!

Не отнеси къ холодному безстрастью,
Что на тебя безмолвно я гляжу:
Ступенями къ томительному счастью
Не меньше я, чѣмъ счастьемъ, дорожу.

Съ собой самимъ мнѣ сладко лицемѣрить,
Хоть я давно забылъ о всемъ иномъ:
И вѣрится, — и не хочу я вѣрить,
Что нѣтъ преградъ, что мы одни вдвоемъ . . .

Мой поцѣлуй, и пламенный и чистый,
Не вдругъ спѣшитъ къ устамъ, или щекѣ.
Жужжанье пчелъ надъ яблонью душистой
Отраднѣй мнѣ замолкнувшихъ въ цвѣткѣ.

15 февр. 1892

Въ темнотѣ, на треножникѣ яркомъ
Мать варила черешни вдали.
Мы съ тобой отворили калитку
И по темной аллеѣ пошли.

Шли мы розно. Прохлада ночная
Широко между нами плыла.
Я боялся, чтобъ въ помыслѣ смѣломъ
Ты меня упрекнуть не могла.

Какъ-то странно мы оба молчали
И страннѣй сторонилися прочь . . .
Говорила за насъ и дышала
Намъ въ лицо благовонная ночь.

Запретили тебѣ выходить,
Запретили и мнѣ приближаться,
Запретили, — должны мы признаться, —
Намъ съ тобою другъ друга любить;

Но чего намъ нельзя запретить,
Что съ запретомъ всего несовмѣстнѣй, —
Это пѣсня: съ крылатою пѣсней
Будемъ вѣчно и явно любить!

7 іюля 1890

Она ему — образъ мгновенный,
Чарующій ликомъ своимъ;
Онъ — помыслъ ея сокровенный...
Да кто это знаетъ? Да кто это выскажетъ имъ?

И, словно веленіемъ рока,
Ихъ юныя крылья несутъ...
Такъ теплится счастье далеко,
Такъ холоденъ ближній родимый пріютъ!

Предъ нимъ — сновидѣніе рая,
Всевластный надъ ней серафимъ, —
Сгораетъ ихъ жизнь молодая...
Да кто это знаетъ? Да кто это выскажетъ имъ?

3 апр. 1892

Нынче первый мы слышали громъ,
Вотъ повѣяло сразу тепломъ —
И пришло мнѣ на память сейчасъ,
Какъ вчера ты измучила насъ:
Цѣлый день, холодна и блѣдна,
Ты сидѣла безмолвно одна;
Вдругъ ты встала, ко мнѣ подошла
И сказала, что все поняла,
Что напрасно жалѣть о быломъ,
Что намъ тѣсно и тяжко вдвоемъ,
Что любви затерялась стезя,
Что такъ жить, что дышать такъ — нельзя,
Что ты хочешь, рѣшилась, — и вдругъ
Разразился весенній недугъ,
И, забывши о грозныхъ словахъ,
Ты растаяла въ жаркихъ слезахъ.

Еще акація одна
Съ цвѣтами вѣтви опускала,
И надъ бесѣдкою весна
Душистыхъ сводовъ не скругляла.

Дышалъ горячій вѣтерокъ,
Въ тѣни сидѣли мы другъ съ другомъ,
И передъ нами на песокъ
День золотымъ ложился кругомъ.

Жужжалъ пчелами каждый кустъ,
Надъ сердцемъ счастье тяготѣло . . .
Я трепеталъ, чтобъ съ робкихъ устъ
Твое признанье не слетѣло . . .

Вдали сливалось пѣнье птицъ,
Весна надъ степью проносилась,
И на концахъ твоихъ рѣсницъ
Слеза нескромная свѣтилась . . .

Я говорить хотѣлъ — и вдругъ,
Нежданнымъ шорохомъ пугая,
Къ твоимъ ногамъ на ясный кругъ
Спорхнула птичка полевая.

Съ какой мы радостью любви
Свое дыханье затаили!
Казалось мнѣ, — глаза твои
Не улетать ее молили:

Сказать „прости“ чему ни будь
Душѣ казалося утратой,
И, собираясь упорхнуть,
Глядѣлъ на насъ нашъ гость крылатый.

СТАРЫЯ ПИСЬМА.

Давно забытыя подъ легкимъ слоемъ пыли,
Черты завѣтныя, вы вновь передо мной
И въ часъ душевныхъ мукъ мгновенно воскресили
Все, что давно-давно утрачено душой.

Горя огнемъ стыда, опять встрѣчаютъ взоры
Одну довѣрчивость, надежду и любовь,
И задушевныхъ словъ поблекшіе узоры
Отъ сердца моего къ ланитамъ гонятъ кровь.

Я вами осужденъ, свидѣтели нѣмые
Весны души моей и сумрачной зимы:
Вы тѣ же свѣтлые, святые, молодые,
Какъ въ тотъ ужасный часъ, когда прощались мы.

А я — довѣрился предательскому звуку, —
Какъ будто внѣ любви есть въ мірѣ что-нибудь!
Я дерзко оттолкнулъ писавшую васъ руку,
Я осудилъ себя на вѣчную разлуку
И съ холодомъ въ груди пустился въ дальній путь . . .

Зачѣмъ же съ прежнею улыбкой умиленья
Шептать мнѣ о любви, глядѣть въ мои глаза?
Души не воскреситъ и голосъ всепрощенья,
Не смоетъ этихъ строкъ и жгучая слеза!

Страницы милыя опять персты раскрыли, —
Я снова умиленъ и трепетать готовъ,
Чтобъ вѣтеръ иль рука чужая не сронили
Засохшихъ, одному мнѣ вѣдомыхъ цвѣтовъ...

О, какъ ничтожно все! Отъ жертвы жизни цѣлой,
Отъ этихъ пылкихъ жертвъ и подвиговъ святыхъ —
Лишь тайная тоска въ душѣ осиротѣлой,
Да тѣни блѣдныя у лепестковъ сухихъ!..

Но ими дорожитъ мое воспоминанье;
Безъ нихъ все прошлое — одинъ жестокій бредъ,
Безъ нихъ — одинъ укоръ, безъ нихъ — одно терзанье,
И нѣтъ прощенія, и примиренья нѣтъ!

Ты отстрадала, я еще страдаю, —
Сомнѣніемъ мнѣ суждено дышать, —
И трепещу и сердцемъ избѣгаю
Искать того, чего нельзя понять...

А былъ разсвѣтъ — я помню! — Вспоминаю
Языкъ любви, цвѣтовъ, ночныхъ лучей...
Какъ не цвѣсти всевидящему маю
При отблескѣ родномъ такихъ очей!

Очей тѣхъ нѣтъ, — и мнѣ не страшны гробы,
Завидно мнѣ безмолвіе твое,
И, не судя ни тупости, ни злобы,
Скорѣй, скорѣй — въ твое небытіе!

4 ноября 1878

Въ тиши и мракѣ таинственной ночи
Я вижу блескъ привѣтный и милый,
И въ звѣздномъ хорѣ знакомыя очи
Горятъ въ степи надъ забытой могилой.

Трава поблекла, пустыня угрюма,
И сонъ сиротливъ одинокой гробницы,
И только въ небѣ, какъ вѣчная дума,
Сверкаютъ звѣзды золотыя рѣсницы.

И снится мнѣ, что ты встала изъ гроба,
Такой же, какой ты съ земли отлетѣла,
И снится мнѣ, что мы молоды оба,
И ты взглянула, какъ прежде глядѣла.

Какъ лилея глядится въ нагорный ручей,
Ты стояла надъ первою пѣсней моей
И — была ли при этомъ побѣда? И чья, —
У ручья-ль отъ цвѣтка? У цвѣтка-ль отъ ручья?

Ты душою младенческой все поняла,
Что мнѣ высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь безъ тебя суждено мнѣ влачить,
Но мы вмѣстѣ съ тобой, — насъ нельзя разлучить!

Та трава, что вдали на могилѣ твоей,
Здѣсь на сердцѣ, чѣмъ старѣ оно, тѣмъ свѣжѣй,
И я знаю, взглянувши на звѣзды порой,
Что взирали на нихъ мы какъ боги съ тобой!

У любви есть слова, — тѣ слова не умрутъ;
Насъ съ тобой ожидаетъ особенный судъ:
Онъ сумѣетъ насъ сразу въ толпѣ различить, —
И мы вмѣстѣ придемъ, — насъ нельзя разлучить!

Нѣтъ, я не измѣнилъ: до старости глубокой
Я тотъ же преданный, я рабъ твоей любви,
И старый ядъ цѣпей, отрадный и жестокій,
Еще горитъ въ моей крови.

Хоть память и твердитъ, что между насъ могила,
Хоть каждый день бреду томительно къ другой, —
Не въ силахъ вѣрить я, чтобъ ты меня забыла,
Когда ты здѣсь, передо мной.

Мелькнетъ ли красота иная на мгновенье,
Мнѣ чудится, — вотъ-вотъ — тебя я узнаю, —
И нѣжности былой я слышу дуновенье
И, содрогаясь, я пою.

2 февр. 1887

Все, какъ бывало, веселый, счастливый,
Ленты твоей уловляю извивы . . .
Млѣющихъ звуковъ впивая истому,
Пусть ты летишь, отдаваясь другому!

Пусть пронеслась ты надменно, небрежно, —
Сердце мое все по прежнему нѣжно,
Сердце обидъ не считаетъ, не мѣритъ,
Сердце по прежнему любитъ и вѣритъ!

Тщетно опущены строгіе глазки, —
Жду подъ рѣсницами блеска и ласки;
Все, какъ бывало, веселый, счастливый,
Ленты твоей уловляю извивы.

24 іюля 1887

О, другъ, не мучь меня жестокимъ приговоромъ!
Я оскорбить тебя минувшимъ не хочу:
Оно плѣнительнымъ промчалось метеоромъ . . .
Съ твоимъ я встрѣтиться робѣлъ и жаждалъ взоромъ,
И приходилъ молчать . . . Я и теперь молчу:

Добра и красоты въ чертахъ твоихъ сліянье
По прежнему мой подкупаетъ умъ;
Я вижу, — вотъ оно, то нѣжное созданье,
Къ которому я несъ весь пылъ, все упованье
Безумныхъ, радостныхъ, невысказанныхъ думъ;

Но — помнишь ли? — весной гремѣла пѣснь лѣсная,
И кликалъ соловей серебряные сны;
Теперь душистѣй лѣсъ, пышнѣе тѣнь ночная,
И хочетъ соловей запѣть, какъ утромъ мая, —
Но робко такъ не пѣлъ онъ въ первый день весны!

Еще одно забывчивое слово,
Еще одинъ случайный полувздохъ, —
И тосковать я сердцемъ стану снова
И буду я опять у этихъ ногъ.

Душа дрожитъ, готова вспыхнуть чище,
Хотя давно угасъ весенній день,
И при лунѣ на жизненномъ кладбищѣ
Страшна и ночь и собственная тѣнь.

Прости, — во мглѣ воспоминанья
Все вечеръ помню я одинъ,
Тебя одну среди молчанья
И твой пылающій каминъ.

Глядя въ огонь, я забывался,
Волшебный кругъ меня томилъ,
И чѣмъ то горькимъ отзывался
Избытокъ счастія и силъ.

Что за раздуміе у цѣли?
Куда безумство завлекло?
Въ какія дебри и метели
Я уносилъ твое тепло?

Гдѣ ты? Ужель, ошеломленный,
Кругомъ не видя ничего,
Застывшій, вьюгой убѣленный,
Стучусь у сердца твоего? . .

22 янв. 1888

А. Л. БРЖЕССКОЙ

Далекій другъ, пойми мои рыданья,
Ты мнѣ прости болѣзненный мой крикъ:
Съ тобой цвѣтутъ въ душѣ воспоминанья,
И дорожить тобой я не отвыкъ!

Кто скажетъ намъ, что жить мы не умѣли,
Безумные и праздные умы,
Что въ насъ добро и нѣжность не горѣли
И красотѣ не жертвовали мы?

— Гдѣ жъ это все? Еще душа пылаетъ, —
По прежнему готова міръ обнять, —
Напрасный жаръ, — никто не отвѣчаетъ! . .
Воскреснутъ звуки — и замрутъ опять . . .

Лишь ты одна! Высокое волненье
Издалека мнѣ голосъ твой принесъ:
Въ ланитахъ кровь и въ сердцѣ вдохновенье . . .
Прочь этотъ сонъ, — въ немъ слишкомъ много слезъ!

Не жизни жаль съ томительнымъ дыханьемъ, —
Что жизнь, и смерть!.. — А жаль того огня,
Что просіялъ надъ цѣлымъ мірозданьемъ —
И въ ночь идетъ!.. И плачетъ, уходя!..

28 янв. 1879

Въ страданьи блаженства стою предъ тобою, —
И смотритъ мнѣ въ очи душа молодая.
Стою я, овѣянный жизнью иною, —
Я съ рѣчью не здѣшней, я съ вѣстью изъ рая.

Слетѣлъ этотъ мигъ, не земной, не случайный, —
Надъ нимъ такъ безсильны житейскія грезы!
Но вѣчной уснетъ онъ сердечною тайной,
Какъ вижу тебя я сквозь яркія слезы.

И въ трепетѣ сердце, и трепетны руки,
Въ восторгѣ склоняюсь предъ чуждою властью, —
И мукой блаженства исполнены звуки,
Въ которыхъ сказаться такъ хочется счастью.

2 авг. 1882

Не нужно, не нужно мнѣ проблесковъ счастья,
Не нужно мнѣ слова и взора участья, —
Оставь и дозволь мнѣ рыдать!
Къ горячему снова прильнувъ изголовью,
Дозволь мнѣ моей нераздѣльной любовью,
Забывъ все на свѣтѣ, дышать!

Когда бы ты знала, какимъ сиротливымъ,
Томительно-сладкимъ, безумно-счастливымъ
Я горемъ въ душѣ опьяненъ, —
Безмолвно прошла бъ ты воздушной стопою,
Чтобъ даже своей благовонной стезею
Больной не смутила мой сонъ.

Не такъ ли, чуть роща одѣться готова —
Въ весеннія ночи — свѣтила дневного
Боится крылатый пѣвецъ? —
И, только что сумракъ разгонитъ денница,
Смолкаетъ зарей отрезвленная птица:
И счастью и пѣснѣ конецъ.

4 ноября 1887

Упрекомъ, жалостью внушеннымъ,
Не растравляй души больной:
Позволь колѣнопреклоненнымъ
Мнѣ оставаться предъ тобой!

Горя надъ суетной землею,
Ты милосердно разрѣши
Мнѣ упиваться чистотою
И красотой твоей души,

Глядѣть, какимъ прозрачнымъ свѣтомъ
Окружена ты на землѣ,
Какъ Божій міръ при свѣтѣ этомъ
Въ голубоватой тонетъ мглѣ!..

О, я блаженъ среди страданій!
Какъ радъ, себя и міръ забывъ,
Я подступающихъ рыданій
Горячій сдерживать приливъ!

31 янв. 1888

ЖИЗНЬ СЕРДЦА

Учись у нихъ, — у дуба, у березы:
Кругомъ зима (жестокая пора!) —
Напрасныя на нихъ застыли слезы
И треснула, сжимаяся, кора.

Все злѣй метель и съ каждою минутой
Сердито рветъ послѣдніе листы,
И за сердце хватаетъ холодъ лютый, —
Они стоятъ, молчатъ; молчи и ты.

Но вѣрь веснѣ! Ея промчится геній, —
Опять тепломъ и жизнію дыша,
Для ясныхъ дней, для новыхъ откровеній
Переболитъ скорбящая душа.

31 дек. 1885

Какая грусть! Конецъ аллеи
Опять съ утра исчезъ въ пыли,
Опять серебряныя змѣи
Черезъ сугробы поползли,

На небѣ ни клочка лазури,
Въ степи все гладко, все бѣло, —
Одинъ лишь воронъ противъ бури
Крылами машетъ тяжело.

И на душѣ не разсвѣтаетъ,
Въ ней тотъ же холодъ, что кругомъ,
Лѣниво дума засыпаетъ
Надъ умирающимъ трудомъ, —

А все надежда въ сердцѣ тлѣетъ,
Что, можетъ быть, хоть невзначай,
Опять душа помолодѣетъ,
Опять родной увидитъ край,

Гдѣ бури пролетаютъ мимо,
Гдѣ дума страстная чиста,
И, посвященнымъ только зримо,
Цвѣтетъ весна и красота.

Истрепалися сосенъ мохнатыя вѣтви отъ бури,
Изрыдалась осенняя ночь ледяными слезами;
Ни огня на землѣ, ни звѣзды въ овдовѣвшей лазури;
Все сорвать хочетъ вѣтеръ, все смыть
хочетъ ливень ручьями.

Никого! Ничего! Даже сна нѣтъ въ постели холодной, —
Только маятникъ грубо-насмѣшливо мѣряетъ время . . .
Оторвись же отъ тусклой свѣчи ты душою свободной!
Или — тянетъ къ землѣ роковое, тяжелое бремя?

О, войди жъ въ этотъ мракъ, улыбнись,
благосклонная фея, —
И всю жизнь въ этотъ мигъ я солью,
этимъ мигомъ измѣрю,
И, рѣчей благовонныхъ созвучіемъ слухъ взлелѣя,
Не признаю часовъ и рыданьямъ ночнымъ не повѣрю!

ВЕСЕННІЯ МЫСЛИ.

Снова птицы летятъ издалека
Къ берегамъ, расторгающимъ ледъ.
Солнце теплое ходитъ высоко
И душистаго ландыша ждетъ.

Снова въ сердцѣ ничѣмъ не умѣришь
До ланитъ восходящую кровь
И душою подкупленной вѣришь,
Что какъ міръ безконечна любовь.

Но сойдемся ли снова такъ близко
Средь природы разнѣженной мы,
Какъ видало ходившее низко
Насъ холодное солнце зимы?

Опавшій листъ дрожитъ отъ нашего движенья,
Но зелени еще свѣжа надъ нами тѣнь,
А что-то говоритъ, средь радости сближенья,
Что этотъ желтый листъ — нашъ слѣдующій день...

Какъ ненасытны мы и какъ несправедливы!
Всю радость явную невѣрный гонитъ страхъ!
Еще такъ ласковы волосъ твоихъ извивы!
Какой живетъ восторгъ на блекнущихъ устахъ!

Идемъ. Надолго ли еще не разлучаться,
Надолго ли дышать отрадою? Какъ знать!
Пора за будущность заранѣ не пугаться,
Пора о счастіи учиться вспоминать!

15 янв. 1891

Въ степной глуши, надъ влагой молчаливой,
Гдѣ круглые раскинулись листы,
Любуюсь я давно, пловецъ пугливый,
На яркіе плавучіе цвѣты.

Они манятъ и свѣжестью пугаютъ,
Когда къ звѣздамъ ихъ взорами прильну;
Кто скажетъ мнѣ, какую измѣряютъ
Подводные ихъ корни глубину?

О, не гляди такъ мягко и привѣтно, —
Я такъ боюсь забыться какъ-нибудь!
Твоей души мнѣ глубина завѣтна:
Въ свою судьбу боюсь я заглянуть . . .

О, какъ волнуюся я мыслію больною,
Что въ мигъ, когда закатъ такъ дѣвственно-хорошъ
Здѣсь на балконѣ ты, лицомъ передъ зарею,
Восторга моего, быть можетъ, — не поймешь!

Внизу померкшій садъ уснулъ, — лишь тополь дальный
Все грезитъ въ вышинѣ и ставитъ листъ ребромъ,
И зыблетъ, уловя денницы блескъ прощальный,
И чистымъ золотомъ и мелкимъ серебромъ, —

И вѣрить хочется, что все, что такъ прекрасно,
Такъ тихо властвуетъ въ прозрачный этотъ мигъ,
По небу и душѣ проходитъ не напрасно,
Какъ оправданіе стремленій роковыхъ.

12 авг. 1891

Въ вечеръ такой золотистый и ясный,
Въ этомъ дыханьи весны всепобѣдной,
Не поминай мнѣ, о другъ мой прекрасный,
Ты о любви нашей, робкой и бѣдной!

Дышитъ земля всѣмъ своимъ ароматомъ,
Небу — разверстая — только вздыхаетъ;
Самое небо съ нетлѣннымъ закатомъ
Въ тихомъ заливѣ себя повторяетъ...

Что же тутъ мы или счастіе наше?
Какъ и помыслить о немъ не стыдиться?
Въ блескѣ, какого нѣтъ шире и краше,
Нужно безумствовать — или смириться!

МАЙСКАЯ НОЧЬ.

Отсталыхъ тучъ надъ нами пролетаетъ
Послѣдняя толпа.
Прозрачный ихъ отрѣзокъ мягко таетъ
У луннаго серпа.

Царитъ весны таинственная сила
Съ звѣздами на челѣ.
Ты, нѣжная! Ты счастье мнѣ сулила
На суетной землѣ, —

А счастье гдѣ? Не здѣсь, въ средѣ убогой, —
А вонъ оно, какъ дымъ . . .
За нимъ! За нимъ воздушною дорогой, —
И въ вѣчность улетимъ!

Еще весна. Какъ будто неземной
Какой-то духъ ночнымъ владѣетъ садомъ.
Иду я молча, медленно, — и рядомъ
Мой темный профиль движется со мной.

Еще аллей не сумраченъ пріютъ,
Между вѣтвей небесный сводъ синѣетъ,
А я иду — душистый холодъ вѣетъ
Въ лицо — иду — и соловьи поютъ . . .

Несбыточное грезится опять,
Несбыточное въ нашемъ бѣдномъ мірѣ,
И грудь вздыхаетъ радостнѣй и шире,
И вновь кого-то хочется обнять.

Придетъ пора, — и скоро, можетъ быть, —
Опять земля взалкаетъ обновиться,
Но это сердце перестанетъ биться
И ничего не будетъ ужъ любить!

Молчали листья, звѣзды рдѣли —
И въ этотъ часъ
Съ тобой на звѣзды мы глядѣли,
Онѣ — на насъ.

Когда все небо такъ глядится
Въ живую грудь,
Какъ въ этой груди затаится
Хоть что-нибудь?

Все, что хранитъ и будитъ силу
Во всемъ живомъ,
Все, что уносится въ могилу
Отъ всѣхъ тайкомъ,

Что чище звѣздъ, пугливѣй ночи,
Страшнѣе тьмы,
Тогда, взглянувъ другъ другу въ очи,
Сказали мы.

17 ноября 1859

Въ долгія ночи, какъ вѣжды на сонъ не сомкнуты,
Чудныя душу порой посѣщаютъ минуты:

Духъ окрыленъ, никакая не мучитъ утрата, —
Въ дальней звѣздѣ отгадалъ бы отбывшаго брата!

Близкой души предо мною ясны всѣ изгибы:
Видишь, какъ были, — и видишь, какъ быть бы
могли бы . . .

О, если ночь унесетъ тебя въ міръ этотъ странный,
Мощному духу отдайся, о, другъ мой желанный:

Я отзовусь, — но, внемля безтѣлесному звуку,
Вспомни меня, какъ невольную помнятъ разлуку!

Угрюмъ и празденъ часто я брожу:
Напрасно вѣру свѣтлую лелѣю, —
На славный подвигъ силы не имѣю,
Для пѣсни сердца словъ не нахожу.

Но за тобой ревниво я слѣжу,
Тебя понять и оцѣнить умѣю;
Вотъ почему я дружбой гордъ твоею
И близостью твоею дорожу.

Спасибо жизни! Пусть по волѣ рока,
Истерзана, обижена глубоко,
Душа порою въ сонъ погружена:

Но, лишь краса душевная коснется
Усталыхъ глазъ, — безсмертная проснется
И звучно затрепещетъ, какъ струна.

Ты расточительна на милыя слова,
А въ сердцѣ мнѣ не шлешь отраднаго привѣта
И втайнѣ думаешь: причудлива, черства
Душа суровая поэта.

Я тоже жду: я жду, нельзя ли превозмочь
Твоей холодности, подмѣтить мигъ участья,
Чтобы въ глазахъ твоихъ, загадочныхъ какъ ночь,
Затрепетали звѣзды счастья.

Я жду, я жажду ихъ! Мечтателю въ ночи
Сіянья не встрѣчать пышнѣе и прелестнѣй, —
И, знаю, низойдутъ ихъ яркіе лучи
Ко мнѣ и трепетомъ и пѣсней.

Мой прахъ уснетъ, забытый и холодный,
А для тебя настанетъ жизни май . . .
О, хоть на мигъ душою благородной
Тогда стихамъ, звучавшимъ мнѣ, внимай!

И — вдумчивымъ и чуткимъ сердцемъ дѣвы —
Безумныхъ сновъ волненья ты поймешь,
И отчего въ дрожащіе напѣвы
Я уходилъ, — и ты за мной уйдешь.

Привѣтами, встающими изъ гроба,
Сердечныхъ тайнъ безсмертье ты провѣрь:
Внѣвременной повѣемъ жизнью оба,
И ты и я, — мы встрѣтимся . . . — Теперь!

Не спрашивай, надъ чѣмъ задумываюсь я, —
Мнѣ сознаваться въ томъ и тягостно и больно:
Мечтой безумною полна душа моя
И въ глубь минувшихъ лѣтъ уносится невольно.

Сіянье прелести тогда въ свой кругъ влекло:
Взглянулъ — и пылкое навстрѣчу сердце рвется!..
Такъ голубь, бурею застигнутый, въ стекло,
Какъ очарованный, крыломъ лазурнымъ бьется.

А нынѣ предъ лицомъ сіяющей красы
Нѣтъ этой слѣпоты и страсти безотвѣтной,
Но сердце глупое, какъ ветхіе часы,
Коль и забьетъ порой, такъ все свой часъ завѣтный.

Я помню, отрокомъ я былъ еще. Пора
Была туманная. Сирень въ слезахъ дрожала.
Въ тотъ день лежала мать больна, и со двора
Подруга игръ моихъ надолго уѣзжала.

Не мчались ласточки, звеня, передъ окномъ,
И мошекъ не толклись блестящихъ вереницы;
Сидѣли голуби, нахохлившись, рядкомъ,
И въ липникъ прятались умолкнувшія птицы.

А надъ колодеземъ, на вздернутомъ шестѣ,
Гдѣ старая бадья болталась, какъ подвѣска,
Закаркалъ воронъ вдругъ, чернѣя въ высотѣ, —
Закаркалъ какъ-то зло, отрывисто и рѣзко...

Тотъ плачъ давно умолкъ, — кругомъ и смѣхъ и шумъ, —
Но сердце вѣчно, знать, пугаться не отвыкнетъ:
Гляжу въ твои глаза, люблю ихъ нѣжный умъ —
И трепещу: вотъ-вотъ зловѣщій воронъ крикнетъ.

Разсыпаяся смѣхомъ ребенка,
Явно въ душу мою влюблены,
Пролетаютъ прозрачно и звонко
Надо мною блаженные сны, —

И, мгновенной охваченъ истомой,
Снова молодость чуя свою,
Узнаю я и голосъ знакомый,
И побѣдный призывъ узнаю,

И, когда этой пѣснѣ внимаю,
Окрыленный восторгомъ, не лгу,
Что я все безъ рѣчей понимаю
И — къ чему призываетъ — могу!

3 марта 1892

Ночь лазурная смотритъ на скошенный лугъ,
Запахъ розъ подъ балкономъ и сѣна вокругъ,
Но — за то-ль, что отрады не жду впереди, —
Благодарности нѣтъ въ истомленной груди:

Все далекій, давнишній мнѣ чудится садъ . . .
Тамъ и звѣзды крупнѣй, и сильнѣйароматъ,
И ночныхъ благовоній живая волна
Тамъ доходитъ до сердца, истомы полна . . .

Точно въ нѣжномъ дыханьи травы и цвѣтовъ
Съ ароматомъ знакомый доносится зовъ,
И какъ будто вотъ-вотъ кто-то милый опять
О восторгѣ свиданья готовъ прошептать . . .

12 іюня 1892

Какъ мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся.
Съ любимой мечтою
Не хочется сердцу разстаться.

Но цвѣтъ вдохновенья
Печаленъ средь будничныхъ терній;
Былое стремленье —
Далеко, какъ отблескъ вечерній.

Но память былого
Все крадется въ сердце тревожно...
О, если-бъ безъ слова
Сказаться душой было можно!

11 авг. 1844

Въ полуночной тиши безсонницы моей
Встаютъ предъ напряженнымъ взоромъ
Былыя божества, кумиры прежнихъ дней,
Съ ихъ вызывающимъ укоромъ,

И снова я люблю, и снова я любимъ, —
Несусь вослѣдъ мечтамъ любимымъ, —
А сердце грѣшное томитъ меня своимъ
Неправосудьемъ нестерпимымъ.

Богини предо мной, давнишнiе друзья,
То соблазнительны, то строги,
Но тщетно алтарей ищу предъ ними я:
Онѣ — развѣнчанные боги!

Предъ ними сердце вновь въ тревогѣ и въ огнѣ,
Но пламень тотъ — съ былымъ несхожiй:
Какъ будто, смертному потворствуя, онѣ
Сошли съ божественныхъ подножiй —

И лишь надменныя на зло живой мечтѣ,
Не зная милости и битвы,
Стоятъ владычицы на прежней высотѣ
Подъ шопотъ презрѣнной молитвы.

Ихъ снова ищетъ взоръ изъ-подъ усталыхъ вѣждъ,
Мольба къ нимъ тщетная стремится,
И прежній ѳиміамъ несбыточныхъ надеждъ
У ногъ ихъ все еще дымится!..

3 янв. 1888

Дулъ сѣверъ, плакала трава
И вѣтви о недавнемъ зноѣ,
И розъ, проснувшихся едва,
Сжималось сердце молодое.

Стоялъ угрюмъ тѣнистый садъ,
Забывъ о пѣньи голосистомъ, —
Лишь соловьихи робкихъ чадъ
Хрипливымъ подзывали свистомъ.

Прошла пора влюбленныхъ грезъ, —
Зачѣмъ еще томиться тщетно?
Но вдругъ одинъ любовникъ розъ
Запѣлъ такъ ярко, беззавѣтно . . .

Прощай, соловушко! И я
Готовъ на мигъ воскреснуть тоже,
И пѣснь послѣдняя твоя
Всѣхъ вешнихъ пѣсенъ мнѣ дороже.

Руку бы снова твою мнѣ хотѣлось пожать!
Прежняго счастья, конечно, уже не видать,
Но и подъ старость отрадно очами недуга
Вновь увидать неизмѣнно-прекраснаго друга.

Въ голой аллеѣ, гдѣ листъ подъ ногами шумитъ,
Какъ-то пугливо и сладостно сердце щемитъ,
Если стопамъ попирать довелося устало
То, что когда-то такъ много блаженства скрывало.

14 янв. 1888

У КАМИНА.

Тускнѣютъ угли. Въ полумракѣ
Прозрачный вьется огонекъ.
Такъ плещетъ на багряномъ макѣ
Крыломъ лазурнымъ мотылекъ.

Видѣній пестрыхъ вереница
Влечетъ усталый, тѣша, взглядъ,
И неразгаданныя лица
Изъ пепла сѣраго глядятъ.

Встаетъ ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль, —
И лжетъ душа, что ей не нужно
Всего, чего глубоко жаль.

Напрасно:
Куда ни взгляну я, встрѣчаю вездѣ неудачу,
И тягостно сердцу, что лгать я обязанъ всечасно!
Тебѣ улыбаюсь, а внутренно горько я плачу . . .
Напрасно!

Разлука!
Душа человѣка какія выноситъ мученья, —
А часто на нихъ намекнуть лишь достаточно звука!
Стою какъ безумный, — еще не постигъ выраженья:
Разлука . . .

Свиданье . . .
Разбей этотъ кубокъ: въ немъ капля надежды таится,
Она-то продлитъ и она-то усилитъ страданье;
И въ жизни туманной все будетъ обманчиво сниться
Свиданье . . .

Не нами
Безсилье изведано словъ къ выраженью желаній:
Безмолвныя муки сказалися людямъ вѣками;
Но очередь наша, и кончится рядъ испытаній —
Не нами.

Но больно,
Что жребіи жизни святымъ побужденьямъ враждебны!
Въ груди человѣка до нихъ бы добраться довольно . . .
Нѣтъ, — вырвать и бросить! . . Тѣ язвы,
быть можетъ, цѣлебны, —
Но больно!

Жизнь пронеслась безъ явнаго слѣда.
Душа рвалась, — кто скажетъ мнѣ, куда?
Съ какой заранѣ избранною цѣлью?
Но всѣ мечты, все буйство первыхъ дней
Съ ихъ радостью — все тише, все яснѣй
Къ послѣднему подходитъ новоселью.

Такъ, заверша безпутный свой побѣгъ,
Съ нагихъ полей летитъ колючій снѣгъ,
Гонимый ранней, буйною метелью,
И, на лѣсной остановясь глуши,
Сбирается въ серебряной тиши
Глубокой и холодною постелью.

Не упрекай, что я смущаюсь,
Что я минувшее принесъ
И предъ тобою содрогаюсь
Подъ дуновеньемъ прежнихъ грезъ:

Тѣ грезы — жизнь ихъ осудила,
То прахъ давнишнихъ алтарей;
Но ихъ побѣднымъ возмутила
Движеньемъ ты стопы своей:

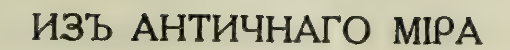
Уже мерцаетъ свѣтъ, готовый
Все озарить, всему помочь,
И, согрѣваясь жизнью новой,
Росою счастья плачетъ ночь.

3 февр. 1891

Все, что волшебно такъ манило,
Изъ-за чего весь вѣкъ жилось,
Со днями зимними остыло
И непробудно улеглось.

Нѣтъ ни надеждъ, ни силъ для битвы, —
Лишь, посреди ничтожныхъ смутъ,
Какъ гордость думъ, какъ храмъ молитвы,
Страданья въ прошломъ возстаютъ . . .

28 февр. 1892

ИЗЪ АНТИЧНАГО МІРА

ВЕНЕРА МИЛОССКАЯ.

И цѣломудренно и смѣло
До чреслъ сіяя наготой,
Цвѣтетъ божественное тѣло
Неувядающей красой.

Подъ этой сѣнью прихотливой
Слегка приподнятыхъ волосъ
Какъ много нѣги горделивой
Въ небесномъ ликѣ разлилось!

Такъ, вся дыша пафосской страстью,
Вся млѣя пѣною морской
И всепобѣдной вѣя властью
Ты смотришь въ вѣчность предъ собой.

ДІАНА.

Богини дѣвственной округлыя черты
Во всемъ величіи блестящей наготы
Я видѣлъ межъ деревъ надъ ясными водами.
Съ продолговатыми, безцвѣтными очами,
Высоко поднялось открытое чело,
Его недвижностью вниманье облегло,
И дѣвъ моленію въ тяжелыхъ мукахъ чрева
Внимала чуткая и каменная дѣва.
Но вѣтеръ на зарѣ между листовъ проникъ, —
Качнулся на водѣ богини ясный ликъ . . .
Я ждалъ, — она пойдетъ съ колчаномъ и стрѣлами,
Молочной бѣлизной мелькая межъ древами,
Взирать на сонный Римъ, на вѣчный славы градъ,
На желтоводный Тибръ, на группы колоннадъ,
На стогны длинные . . . Но мраморъ недвижимый
Бѣлѣлъ передо мной красой непостижимой.

ВАКХАНКА.

Подъ тѣнью сладостной полуденнаго сада,
Въ широколиственномъ вѣнкѣ изъ винограда
И влаги Вакховой томительной полна,
Чтобъ духъ перевести, замедлилась она.
Закинувъ голову, съ улыбкой опьянѣнья,
Прохладнаго она искала дуновенья,
Какъ будто волосы ужъ начинали жечь
Горячимъ золотомъ ей розы пышныхъ плечъ.
Одежда жаркая все ниже опускалась,
И молодая грудь все больше обнажалась,
А страстные глаза, слезой упоены,
Вращались медленно, желанія полны.

НИМФА И МОЛОДОЙ САТИРЪ.

(Группа Ставассера).

— „Постой хотя на мигъ! О камень или пень
Ты можешь уязвить разутую ступень:
Еще невинная, бѣжа отъ вакханалій,
Готова уронить одну ты изъ сандалій“ . . .
Но вотъ, косматыя колѣна преклоня,
Онъ у ноги твоей поймалъ конецъ ремня, —
Затянется теперь не скоро узелъ прочный:
Сатиръ и молодой — не отрокъ непорочный!
Смотри, какъ голову откинувши назадъ,
Глядитъ онъ на тебя и пьетъ твой ароматъ,
Какъ дышатъ нѣгою уста его и взоры!
Быть-можетъ, нехотя ты ищешь въ немъ опоры?
А стройное твое бедро такъ горячо
Теперь легло къ нему на крѣпкое плечо! . .
Нѣтъ! Мысль твоя чиста и воля неизмѣнна:
Улыбка у тебя насмѣшливо-надменна.
Но — отчего, скажи, — въ сознаньи ль красоты,

Иль въ утомленіи такъ неподвижна ты?
Еще открытое, смежиться хочетъ око,
И молодая грудь волнуется высоко . . .
Иль страсть, горящая въ сатирѣ молодомъ,
Пахнула и въ тебя томительнымъ огнемъ?

КЪ КРАСАВЦУ.

Природы баловень, какъ счастливъ ты судьбой!
Всѣмъ нравятся твой ростъ и гордый обликъ твой,
И кудри пышныя, безпечностью завиты,
И блѣдное чело, и нѣжныя ланиты,
Приподнятая грудь, жемчужный рядъ зубовъ,
И огненный зрачокъ, и бархатная бровь;
А дѣвы юныя, украдкой отъ надзора,
Толкуютъ твой отвѣтъ и выраженье взора,
И послѣ каждая, вздохнувъ, наединѣ
Промолвитъ: — „Да, онъ мой — его отдайте мнѣ!"
Какъ сонъ младенчества, какъ первыя лобзанья,
Съ отрадой сладкою безумнаго желанья
Ты, полонъ прелести, въ ихъ памяти живешь,
Улыбкамъ учишь ихъ и къ зеркалу зовешь:
Не для тебя ль онѣ, при факелѣ Авроры,
Находятъ новый взглядъ и новые уборы? —
Когда же ложе ихъ одѣнетъ темнота,
Алкаютъ устъ твоихъ, раскрывшись, ихъ уста.

РУЧКА.

Прозрачную канву цвѣтами убирая,
На мягкихъ клавишахъ, иль съ вѣеромъ рѣзнымъ,
Въ перчаткѣ крошечной, иль по локоть нагая,
Понятной граціей, движеніемъ роднымъ
Ты говоришь со мной, мой бѣдный умъ волнуя
Невольной страстію и жаждой поцѣлуя.

Питомецъ радости, покорный наслажденью,
Зачѣмъ, коварный другъ, не внемля приглашенью,
Ты нашъ вечерній пиръ вчера не посѣтилъ?
Хозяинъ ласковый къ обѣду пригласилъ
Въ бесѣдку, гдѣ кругомъ, не заслоняя сада,
Полувоздушная обстала колоннада.
Діана полная, глядя между вѣтвей,
Благословляла столъ улыбкою своей
И яства сочныя съ ихъ паромъ благовоннымъ,
Отрадно-лакомымъ гулякамъ утонченнымъ,
И — отчихъ кладовыхъ старинное добро —
Широкодонныхъ чашъ литое серебро;
А вѣтерокъ ночной, по фитилямъ порхая,
Качалъ слегка огни, намъ лица освѣжая.
Зачѣмъ ты не сидѣлъ межъ нами у стола?
Тутъ въ розовомъ вѣнкѣ и Лидія была,
И Пирра смуглая, и Цинтія живая,
И ученица музъ, Неэра молодая, —
Какъ Сафо страстная, пугливая какъ лань . . .
О, другъ! Я чувствую, я заплачу ей дань
Любви мечтательной, тоскливой, безотрадной! . .
Я наливалъ вчера рукою безпощадной,
Но вспоминалъ тебя и, знаю, вполпьяна
Мѣшалъ въ заздравіяхъ я ваши имена.

Другъ мой, безсильны слова, — одни
поцѣлуи всесильны!
Правда, въ запискахъ твоихъ весело
мнѣ наблюдать,
Какъ приливъ и отливъ мыслей и чувства мѣшаютъ
Ручкѣ твоей повѣрять то и другое листку;
Правда, и самъ я пишу стихи, покоряясь богинѣ, —
Много и риѳмъ у меня, много размѣровъ
живыхъ;
Но межъ ними люблю я риѳмы взаимныхъ лобзаній
Съ нѣжной цезурою устъ, съ вольнымъ
размѣромъ любви.

Любо мнѣ въ комнатѣ ночью стоять у окошка
въ потемкахъ,
Если луна съ высоты прямо глядитъ на меня
И, проникая стекло, нарисуетъ квадраты лучами
По полу, комнату всю дымомъ прозрачнымъ поя,
А за окошкомъ въ саду, между листьевъ,
сирени и липы
Черныя группы дѣля, зыбкимъ проходитъ лучомъ
Между вѣтвями, и внизъ ея золоченыя стрѣлы
Яркимъ стремятся дождемъ; иль одинокій листокъ
Лунному свѣту мѣшаетъ разсыпаться по земи;
самъ же,
Свѣтомъ осыпанный весь, черенъ дрожитъ на тѣни.
Я восклицаю: блаженъ, трижды блаженъ, о Діана,
Кто всемогущей судьбой въ тайны твои посвященъ!

ПЕРЕВОДЫ

ГЕЙНЕ.

Ты вся въ жемчугахъ и въ алмазахъ,
Вся жизнь для тебя — благодать,
И очи твои такъ прелестны, —
Чего-жъ тебѣ, другъ мой, желать?

Къ твоимъ очамъ прелестнымъ
Я создалъ цѣлую рать
Безсмертіемъ дышащихъ пѣсенъ, —
Чего-жъ тебѣ, другъ мой, желать?

Очамъ твоимъ прелестнымъ
Дано меня терзать,
И ты меня ими сгубила, —
Чего-жъ тебѣ, другъ мой, желать?

Я не ропщу, — пусть сердце и въ огнѣ:
Навѣкъ погибшая, роптать — не мнѣ!
Какъ ни сіяй въ алмазахъ для очей,
А ни луча во мглѣ души твоей.

Я это зналъ: вѣдь ты же снилась мнѣ!
Я видѣлъ ночь души твоей на днѣ,
И видѣлъ змѣй въ груди твоей больной,
И видѣлъ, какъ несчастна ты, другъ мой.

Да, ты несчастна, — и мой гнѣвъ угасъ.
Мой другъ, обоимъ намъ судьба — страдать.
Пока больное сердце бьется въ насъ,
Мой другъ, обоимъ намъ судьба — страдать.

Пусть явный вызовъ на устахъ твоихъ,
И взоръ горитъ, насмѣшки не тая,
Пусть гордо грудь трепещетъ въ этотъ мигъ,
Ты все несчастна, какъ несчастенъ я:

Улыбка — горемъ озарится вдругъ;
Огонь очей — слеза зальетъ опять;
Въ груди надменной — язва тайныхъ мукъ . . .
Мой другъ, обоимъ намъ судьба — страдать.

Желтѣетъ древесная зелень;
Дрожа, опадаютъ листы...
Ахъ, все увядаетъ, все меркнетъ,
Всѣ нѣги, весь блескъ красоты!

И солнце вершины лѣсныя
Тоскливымъ лучомъ обдаетъ:
Знать, въ немъ уходящее лѣто
Лобзанье прощальное шлетъ.

А я — я хотѣлъ бы заплакать,
Такъ грудь истомилась тоской.
Напомнила эта картина
Мнѣ наше прощанье съ тобой.

Я зналъ, разставаясь, что вскорѣ
Ты станешь жилицей небесъ.
Я былъ — уходящее лѣто,
А ты — умирающій лѣсъ.

ГАФИЗЪ.

О, какъ подобенъ я — смотри! —
Свѣчѣ, мерцающей впотьмахъ!
Но ты, въ сіяющихъ лучахъ
        Восходъ зари, —
Лишь ты сіяй, лишь ты гори!

Хотя по первому лучу
Твой яркій свѣтъ зальетъ свѣчу,
Но умолять тебя хочу:
        Лишь ты гори,
Чтобъ я угасъ въ твоихъ лучахъ!

Мы, Шемзеддинъ со чадами своими,
Мы, шейхъ Гафизъ и всѣ его монахи —
Особенный и странный мы народъ.
Удручены и вѣчныхъ жалобъ полны,
Безъ устали ярмо свое влача,
Роняя перлы изъ очей горячихъ,
Мы веселы и ясны, какъ свѣча.
Подобно ей мы таемъ, исчезаемъ
И, какъ она, улыбкой счастья свѣтимъ.
Пронизаны кинжалами рѣсницъ
Жестокихъ, вѣчно требующихъ крови,
Мы только въ этихъ мукахъ и живемъ.
Въ грѣховномъ морѣ вѣчно утопая,
Съ разскаяньемъ нисколько не знакомы,
А между тѣмъ, свободные отъ злого,
Мы вѣчно дѣти свѣта, а не тьмы,
И тѣмъ толпѣ вполнѣ непостижимы.
Она людей трехъ видовъ только знаетъ:
Ханжу, во-первыхъ (варвара тупого,
Фанатика, съ его душою мрачной),
А во-вторыхъ — развратника безъ сердца
(Ничтожнаго, сухого эгоиста),
И наконецъ — обычной колеей
Бредущаго; но для людей, какъ мы,
Ей не найти понятья и названья.

Если вдругъ, безъ видимыхъ причинъ,
Затоскую, загрущу одинъ,

Если плоть и кости у меня
Станутъ ныть и чахнуть безъ кручинъ,

Не давай мнѣ горькихъ пить лѣкарствъ,
Не терплю я этихъ чертовщинъ:

Принеси ты чашу мнѣ вина,
Съ нею лютню, флейту, тамбуринъ.

Если это не поможетъ мнѣ,
Принеси мнѣ сладкихъ устъ рубинъ.

Если-жъ я и тутъ не исцѣлюсь,
Говори, что умеръ Шемзеддинъ.

Веселись, о, сердце — птичка,
Пой, довольное судьбиной,
Что тебя плѣнила роза,
Воцарившись надъ долиной.

Ужъ теперь тебѣ не биться
Въ грубой сѣти птицелова,
И тебя не тронутъ когти,
Не укуситъ зубъ змѣиный.

Правда, что занозы розы
Глубоко въ тебя вонзились,
И истечь горячей кровью
Ты должна передъ кончиной,

Но за то твоей кончинѣ
Нѣтъ подобной ни единой:
Ты умрешь прекрасной смертью,
Благородной, соловьиной.

Вѣтеръ нѣжный, окрыленный,
Благовѣстникъ красоты,
Отнеси привѣтъ мой страстный
Той одной, что̀ знаешь ты.

Разскажи ей, что со свѣта
Унесутъ меня мечты,
Если мнѣ отъ ней не будетъ
Тѣхъ наградъ, что̀ знаешь ты.

Потому что подъ запретомъ
Видѣть райскіе цвѣты
Тяжело, — и сердце гложетъ
Та печаль, что̀ знаешь ты.

И на что цвѣты Эдема,
Если въ душу пролиты
Ароматы той долины,
Тѣхъ цвѣтовъ, что̀ знаешь ты?

Не орломъ я быть желаю
И парить на высоты:
Соловей Гафизъ ту розу
Будетъ пѣть, чтò знаешь ты.

Въ царство розы и вина — приди,
Въ эту рощу, въ царство сна — приди.

Утиши ты пѣснь тоски моей:
Камнямъ эта пѣснь слышна! — Приди!

Кротко слезъ моихъ уйми ручей:
Ими грудь моя полна! — Приди!

Дай испить мнѣ здѣсь, во мглѣ вѣтвей,
Кубокъ счастія до дна! — Приди!

Чтобъ любовь до тла моихъ костей
Не сожгла (она сильна!), — приди!

Но дождись, чтобъ вечеръ сталъ темнѣй!
Но тихонько и одна — приди!

Въ доброй вѣсти, нѣжный другъ, не откажи,
При звѣздахъ прійти на лугъ не откажи.

И въ бальзамѣ, кроткій врачъ души моей,
Чтобъ унять мой злой недугъ, не откажи.

Въ леденцахъ румяныхъ устъ, чтобы мой взоръ
За слезами, не потухъ, не откажи.

Въ пищѣ тѣмъ устамъ, что юности твоей
Воспѣваютъ гимны вслухъ, не откажи.

Въ персяхъ, нѣжныхъ, какъ лилейные цвѣты,
Въ этихъ округленныхъ двухъ не откажи.

И во всемъ, на что завистливо въ ночи
Смотритъ неба звѣздный кругъ, не откажи.

Въ томъ, чему отдавшись разъ, хотя на мигъ,
Вѣки счастья помнитъ духъ, не откажи.

Въ томъ, что́ властно укротить еще одно —
Предъ могилою испугъ, — не откажи.

Гафизъ убитъ. А что̀ его убило, —
Свой черный глазъ, дитя, бы ты спросила.

Жестокій негръ! Какъ онъ разитъ стрѣлами!
Куда ни броситъ ихъ, — вездѣ могила.

Ахъ, если есть душа у райской птицы,
Не по тебѣ-ль ея трепещутъ крыла?

Нѣтъ, не пугай меня разсудкомъ строгимъ:
Тутъ ничего его не сможетъ сила.

Любовь свободна. Въ мірѣ нѣтъ преграды,
Которая бы путь ей заступила.

О, состраданье, голосъ сердца нѣжный!
Хотя бы ты на помощь поспѣшило.

Знать, изъ особой вышла ты стихіи:
Гафиза пѣснь тебя не побѣдила!

О помыслахъ Гафиза
Лишь онъ одинъ, да Богъ на небѣ знаетъ:
Ему онъ только сердце
Грѣховное и пылкое ввѣряетъ.

И не однимъ прощеньемъ
Всемилосердный благъ, — Онъ благъ молчаньемъ:
Ни ангеламъ, ни людямъ
Объ этомъ Онъ словечка не роняетъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Мелодіи

Природа

Любовь

Жизнь сердца

Изъ античнаго міра

